

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I и II

годъ тринацатый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ПЕРМЯКИ.

I.

Мѣстность, занимаемая пермяками.—Ихъ языкъ.—Сохранившіеся остатки языческихъ вѣрованій (лѣшій, икоты, кикиморы, сусъдка, водяной, полудница, чугунная баба).—Характеръ пермяка.—Бытовыя и санитарныя условія (трахома, чосотка).—Домашнія средства лѣченія (черъ-эшванъ, чедланъ, вѣжливецъ; оспа, лѣкарство отъ запоя).—Заговоры, кабала.—Внѣшній типъ пермяка и одежда.—Боззрѣнія его на семейную жизнь.

Пермяцкая народность проживаетъ, главнымъ образомъ, по правую сторону рѣки Камы, но нѣкогда несомнѣнно владѣла не только обоями ея берегами, а и частью Заволжья. Оба берега рѣки Ины, такъ называемый Ивинскій край, почти сплошь заселены пермяками. Ивинскій край раскинулся и въ ширь и въ даль довольно далеко; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія чисто пермяцкія волости: Ошибскую, Егвинскую, Архангельскую, Карповскую, Юсьвинскую, Верхъ-Юсьвинскую, Верхъ-Нердинскую (Питеевскую), Верхъ-Ивинскую, Кувинскую, Бѣлоевскую, Кудымкорскую и Тиминскую. Кроме перечисленныхъ, здѣсь же имѣются слѣдующія волости, заселенные пермяками только отчасти: Купросская, Нердинская, Майкорская (Никитинская). Помимо бассейна р. Ины пермяки сохранились еще по течению р. Косы, Чердынского уѣзда, да въ Зюздинской (Аѳанасьевской) и Гординской волостяхъ Вятской губерніи (Глазовского у.). Собственно въ Ивинскомъ краѣ пермяковъ насчитываются приблизительно $70\frac{3}{4}$ тысячи, а всего съ Чердынцами и Зюздаками до 99 тысячъ. Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ, при производствѣ раскопокъ одного изъ многочисленныхъ здѣсь «городищъ», нашелъ, что нынѣшніе пермяки, по сложенію черепныхъ костей, значительно отличаются отъ ранѣе обитавшихъ здѣсь жителей. Сами себя пермяки, какъ и зыране, называютъ: «коми-морть» (камскій человѣкъ). Эта однородность въ названіи народовъ, живущихъ по Камѣ и Двинѣ характерна и наводить на мысль о связи этихъ финскихъ племенъ.

Почти всѣ пермяки, кроме своего родного языка, говорятъ еще и по-русски, разумѣется, сильно коверкая послѣдній. Такъ, напримѣръ, твердое окончаніе мужскаго рода они замѣняютъ женскимъ и, наоборотъ; напримѣръ, «лѣдъ обѣдала», «жена обѣдалъ». Затѣмъ, х замѣняется къ: корошо, вмѣсто хорошо; ф

замѣняется п: Пилипъ, вмѣсто Филипъ; ц—ч или с, напр., сарь, сарича, вмѣсто царь, царица; л—в: свава, вмѣсто слава. Фразу: «дѣль Филипъ не сталъ обѣдать, а побѣжалъ посмотретьъ на царя и царицу и видѣть ихъ, а бабка сидѣла обѣдала и никого не видала», по-пермяцки скаживало бы сказать такъ: «дѣль Пилипъ не става обѣдать, а побѣжава посмотретьъ на сара и саричу и видѣва икъ, а бабка сидѣу, обѣдалъ и никого не видѣуль». Звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляется изъ себя переходъ отъ «ель» къ «уль» и къ «оль». Приведенная выше фраза считается въ нашихъ мѣстахъ (въ центрѣ Ивинского края) за чисто русскую, на самомъ же дѣлѣ и такъ правильно пермяки не могутъ говорить.

Языческія вѣрованія сохранили до сихъ поръ среди пермяковъ всю свою силу и ими признаются открыто. Такъ пермяки верятъ, что въ лѣсу проживаетъ лѣшій; правда, его за бога не почитаютъ, но увѣрены, что все думы лѣшаго только и направлены къ тому, какъ бы напакостить, какъ бы устроить какую-либо мерзость добромъ человѣку. Лѣшій не прочь попугать, кричать, хохотеть, а иной разъ даже и украдетъ у человѣка дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ бы хорошо ни знать человѣкъ дорогу, онъ пропадъ, если только, по оплошности своей, не приметъ должныхъ мѣръ. Спорить съ лѣшимъ можно—стоитъ только снять свою верхнюю одежду и надѣть ее на выворотъ, и онъ отступится. Бабы въ этихъ случаяхъ должны вывернуть наизнанку свои шамшуры (особый головной уборъ); если же это не помогаетъ, то надо тотчасъ же вывернуть наизнанку всю одежду и не ограничиваться при этомъ только верхней. Между пермяками найдете немало людей, по ихъ увѣренію, не только видавшихъ лѣшаго, но и гостившихъ у него. Лѣшій, по словамъ такихъ очевидцевъ, большого роста, выше каждого высокаго дерева; старикъ, съ сухими ушами, за плечами у него всегда имѣется сумка. Обыкновенно лѣшие живутъ въ большихъ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ имѣютъ свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькие. Но и между «сухоухими дядями», какъ называютъ лѣшихъ пермяки, боящіеся назвать ихъ настоящимъ именемъ, попадаются такие, что не прочь заняться и торговлей. Такой лѣшій, приявъ на себя малый ростъ, отправляется въ Казань за товаромъ, и узнать и отличить его отъ простого смертнаго можно лишь по бровямъ; если ихъ у торговаго нѣть—это не торговецъ, а лѣшій. Каждому взошедшему въ избу лѣшему, выбраться изъ нея трудненько. Но иногда, особенно колдуновъ, «сухоухій дядя» и самъ выведетъ на правильную дорогу. Особенно часто бываетъ онъ любезенъ къ тѣмъ молодымъ колдунамъ, которые приходятъ въ лѣсъ, чтобы продать ему свою душу. Послѣ этого колдуны получаютъ даръ: наводить порчу. Вообще же говоря встрѣча съ лѣшимъ ничего путнаго не предвѣщаетъ, даже и въ лучшихъ случаяхъ: либо самъ, встрѣтившій, чѣмъ-либо захвораетъ, либо кто

изъ его семьи помретъ, либо скотина падеть. Словомъ можно положительно сказать: «такая встрѣча не къ добру». Въ лѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится какъ это здѣсь дозвано-де долголѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить всѣ тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ: «гдѣ найти потерю»? На что и не замедлить послѣдовать обстоятельный отвѣтъ: «ищи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этой болѣзни отнюдь нельзя курить: икота табаку не любить; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось куривать при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получилъ. Тотъ, кто видѣлъ меня курящимъ, говорилъ: «свово знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насть, русскихъ, также принадлежать къ категоріи злыхъ духовъ и приносятъ населенію немало непріятностей; чаще же всего они доятъ коровъ. Изъ духовъ наиболѣе виднымъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждого жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроенного дома. Постоянная резиденція сусѣдки — подполье (голбецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка почтятъ и холять его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскательна — слѣдуетъ только ему ни въ чемъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; она не пугаетъ людей, и если его и побаиваются, то все же божескихъ почетей ему не воздаютъ, а просто задабриваютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставить въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ поѣсть ее. Повидимому, она дѣлаетъ это съ удовольствиемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ вскорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволена, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣеть, у бабъ хлѣбъ не удается, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволена, тогда она и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея она наплелетъ такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что больше любить), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство пракомъ пойдетъ: все равно старайся — не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитро сплетенными косами — стоять только ихъ разчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мне лично приходилось видеть подобные косы въ головѣ и бородѣ у иныхъ старииковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдкиной любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видѣть его, а по большей части слышать, когда онъ сѣть муку. Это совсѣмъ маленький и сѣдинькій стариочекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленький, спиценький огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старый, возьметъ да и начнетъ давить сонного человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давиши?», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждать добра или худа.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водяной (Сашь-кульпіянъ); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницъ онъ непремѣнно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбѣ черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни устраивай. Какую голову давали водяному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ, для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (бродомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего неѣть съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкъ) выдернетъ и бросить въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинные волосы, заставъ гдѣ-нибудь между иловыми кустами. Стоитъ водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усыпанной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домаѣ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣлывается ими въ крещенское гаданье, когда девушки приходятъ слушать, что дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно запирать во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоитъ только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запираютъ замокъ. Такой замокъ или запоръ называется по пермяцки «йертанъ», очевидно исковерканное слово йерданъ.

«Православный» пермякъ вѣруетъ въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полудницы»¹⁾. Въ рудникахъ и штолняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее — добра не ждать.

Понятія пермяковъ объ Единомъ Богѣ весьма скучны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святого они считаютъ также за отдельнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношеній. Такъ наприм., на Марію Голендуху, слившую за курина го бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индѣйки и проч.; на праздникъ Флора и Лавра — «скотьяго бога» особенно въ «Кочѣ», Чердынского уѣзда, приводятся «невинные» быки, бараны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводятъ скотъ изъ разныхъ мѣстъ, верстъ за сто и болѣе. Не имѣющимъ лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертвоприношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаеть въ этотъ день молебствія. Чтобы дать некоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашивается: «Какого Бога купилъ?» — «Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь. «Какъ Чудотворца?» вспомнился старикъ и тотчасъ же побѣжалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая». «То-то, удовлетворился старикъ» а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесъ натворилъ!... Вотъ какъ святитель, я поставлю его въ уголокъ — пусть святитъ. Чудотворца, говорить, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басненъкій (красивый, хороший, приглядный) старишечкъ! Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, пріобщившись св. Таинъ, спросила священника: «А когда исповѣдать-то будешь?». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться. «Ты зачѣмъ, говорить ему священникъ, вѣдь ты не говѣль?» «Нѣть,

¹⁾ Въ самое недавнее время въ полдни т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ на полуденнную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадаешь — въ пріпадкѣ злости она можетъ сѣсть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

батюшкa, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послали, да ты все не отходишь, вотъ я и пошелъ отъ скучи съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд. молитва: «Егорій храбрый, Микова Мивостивый, темные лѣса, лѣсные звѣри, спасите и сохраните меня; матушка вода не проглоти, а будь мивостива!» Поднося дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастиТЬ своего ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермянокъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходить крупныя недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счастья» или, если ребенокъ боленъ, то она или сама, когда много причастниковъ, или черезъ посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за получениемъ «счастья» во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если пріобщаются не изъ одного, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у каждого изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую приходится получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой коровы, Анфисы, курятъ» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и съ просьбами такого рода: «Батюшкa, отслужи молебень о здравіи рабы Агапії», а потомъ, черезъ день-два: «батюшкa, разслужи - молебень, что я заказывала». Эта просьба ясно указываетъ на прошедшую между пріятельницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ уваженіемъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже иногда языческихъ обрядахъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ не отказываетъ, но самаго населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуждается, забывая, что въ этой косности далеко небезвинно и оно само.

Характеръ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языке чувство благодарности; да и теперь, если они говорять «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ русскихъ. Словъ «здравствуй», «крошай» у нихъ также нѣть. Пришелъ, сунулъ руку для рукопожатія—значить поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—значить простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣть пермяцкаго слова, выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, относящихся до любви яечистой, то въ нихъ пермяки перешеголяли въсѣ, русскихъ. Воровство—общій всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма сильно и за порокъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣть, а почему бы не наоборотъ? Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, что лежать въ люлькахъ. Гостепріимны пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Рѣшительно каждого пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ и недруга, угожаютъ брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдня, по нынѣшнимъ «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

Въ домѣ пермяка гостямъ и каждому встрѣчному предлагается все, что имѣется въ печкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрыты и мстительны.

Было время, когда и пермякъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Григорія Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣль есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чердыни) за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызноскіе куры, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чусовыѣ рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставить (разумѣется Орель) и около-бѣ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивать, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ не-писменныхъ и нетяглыхъ называть» («Пермская старина» А. Дмитріева). Въ числѣ пустыхъ мѣсть и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Иньва, Обза и Коса, по теченію которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣчкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованыхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 іюля («Указъ разнымъ бургомистрамъ обѣ утвержденіи за Григориемъ Дмитр. Строгановымъ погостовъ по Обѣ, Иньвѣ и Косьвѣ») остало за него людей 14.003 чл. (Ф. Волегова), т. е. всѣ жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермякамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» бунтъ, описание котораго можно здѣсь помѣщать.

Понятіе о патріотизмѣ у пермяковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко, онъ постоять съумѣеть. Впрочемъ, жители Юсьвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе Императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на одиѣ стѣны.

Главный родъ занятій пермяковъ—хлѣбопашество. Зимою, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермякъ идетъ на самыя трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ труде за безцѣнокъ неприспособленность пермяка даетъ себѣ знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ насчитателя— заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

имѣется и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшечекъ включительно, по никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удойны. Оно и не мудрено: кормятъ ихъ всю зиму яровой соломой, а весной, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видятъ; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доягъ, такъ какъ пермяки говорятъ: «рукамъ ководно». Лѣтомъ доеніе коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придетъ корова домой—подоять, не придетъ—искать станутъ, и не сразу-то ее найдутъ. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянина такая роскошь едва ли даже понятна.

Умѣя брать для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣеть ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже грязь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодъ, заставляетъ отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаній. Такъ, въ Южской и Зулинской волостяхъ Чердынского уѣзда у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Прага—питье, мучное, и густое; чтобы оно было крѣпче, его держать на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени выходятъ малюсенькие червячки. Эти червячки быстро ростутъ, становятся прежирѣйшими. Попади въ кружку,—ковырнуль перстомъ, и пить досадника! Въ иѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ скотъ по зимамъ живеть въ жилыхъ избахъ вмѣсть съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «тщательно» выскребается лопатою. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и до иѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой или и разной другой дряни бываетъ непомѣрно великъ. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продолжаетъ именно эту операцию: плеснетъ изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлья. Бѣлье носится обоями полами по долгу, а иной разъ и до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чути теплой водѣ. Прямыми послѣдствіями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и миллиарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣе легкой формѣ трахомой. Кажется большаго числа слѣпыхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣпого пермяка, женившагося на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣпорожденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣпорожденному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей не водится. Всѣмъ известно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, идти въ свои курные бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываются, а скорѣе прибавляются ея, хотя временно, подъ вліяніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жарою кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, пермякъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточного становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покупаетъ себѣ въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставлять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуется оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальные заразы и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости, на 348 человѣкъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляеть немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермякахъ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждого человѣка, и ими же вычесываются; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя въ силу какихъ-то непопятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводятъ, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣть вшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косъ, на полу, зачастую, словно пшено насыпано. А вѣль всѣ эти свадебные обряды проиходять

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при поѣзданахъ, и вспоющая грязь никакъ не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ и эшванъ — вѣсить, вѣшаніе). Къ черъэшвану прибываются при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напримѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи которого можно вполнѣ достовѣрно узнать: какой богъ или какой покойникъ нашелъ на больного (значитъ, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мыжвисъ». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляется изъ себя отдѣльного бога,—вотъ его-то именно и находять при помощи заклятія. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣченію при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврига чернаго хлѣба), кладутъ его на столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ название: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вѣжущій черъэшванъ, береть съ божницѣ узелокъ съ хмѣлемъ и обводить имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животнаго. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ известныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладеть узелокъ къ хлѣбу, гасить огарокъ восковой свѣчки и кладеть ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащій до сихъ поръ на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божницѣ до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшваннице, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшваннице рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесшій его, приходитъ узнавать о результатѣ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затачиваетъ печь самимъ ран-

нимъ утромъ на тощакъ и закрываетъ ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горящие уголья. Затѣмъ, она беретъ изъ принесенного узелка огарокъ свѣчки и зажигаетъ его передъ иконами, къ образамъ же кладется и чепанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гаситъ свѣчу и, положивъ огарокъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горящие уголья. Хмѣль при горѣніи начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мыжвисть или мыжъ). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, знахарка приступаетъ къ самому важному дѣйствію—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе червѣшванница производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обыкновенно къ полатямъ такъ, чтобы топорище было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному такъ обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, червѣшванница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элексѣя. Божьяго чевовѣка—Егвенской, Егорей—Крабвой Юсьвинской, Щипицинскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мѣвостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣскѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебиранія боговъ топоръ не закачается, то знахарка начинаетъ перебирать боговъ съзнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закралось сомнѣніе при имени какого бога качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произносить ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени которого качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебень, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снять. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удовствѣряясь такимъ образомъ въ невиновности боговъ, червѣшванница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается червѣшванница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной роли, а тооръ всетаки не качается, тогда она начинаетъ задабривать и боговъ, и покоинковъ усиленными просьбами и обѣщаніями. Въ этихъ случаяхъ знахарка, помимо молебна или поминанья, обѣщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обвернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шеи). Въ иныхъ случаяхъ обѣщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда знахарка узнаетъ имя нацавшаго бога (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно богъ или покойникъ напалъ на него, старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, т. е. исполнить обѣщаніе червѣшванницы, и такъ обр. ублаготворивъ бога, выздоровѣть самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыя обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церкви нерѣдко можно видѣть такихъ свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашняго, не отбеленнаго воска и рѣзко цвѣтомъ и формой отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челпанъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды червѣшванницѣ. Всѣ знахарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, они никогда не остаются безъ щедрыхъ подаяній и посильныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣйствіи пациентовъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо червѣшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ вѣжливцевъ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самые невинные, самые безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенною славою пользуются тѣ знахари, которыхъ слѣпая судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполнѣ обеспечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такие счастливцы шепчутъ какія-нибудь молитвы на воду, кипитую въ чашку по званий громовой стрѣль, и этой водой поять или натирать больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжливца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся знахарей былъ некто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому известныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему прїѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излеченія больныхъ у него было весьма много, и некоторые изъ нихъ

нельзя не признать оригинальными. Вотъ одинъ изъ нихъ. Какъ-то позднею осеню въ самую гололедицу одинъ и по нынѣ здравствующій крестьянинъ отправился за скотомъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ залѣзъ на возъ и, понукинувъ лошадь, заснулъ, а возъ-то, какъ на грѣхъ, и угораздило опрокинуться. Грязнулся мужикъ на землю прямо головою, свихнувъ себѣ шею. Посмотрѣлъ на него вѣжливецъ Николай, покачаль головой, крикнулъ разъ-другой и велѣлъ ему раздѣтися. Самъ же вышелъ изъ избы на дворъ, взялъ оттуда здоровое полѣно, принесъ его въ избу, розыскалъ два трехъ-вершковыхъ гвоздя и ими прибилъ конецъ полѣна къ лавкѣ. Николай положилъ на лавку больного, крѣпко прикрутилъ его къ ней, предварительно связавъ на груди руки. Надо замѣтить, что полѣно было прибито такъ, что приходилось какъ разъ противъ шеи, но съ противуположной вывиху стороны, т. е. съ лѣвой. Покончивъ съ больнымъ, Николай взялъ крѣпкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сдѣлавъ изъ него петлю, захватилъ этой петлей голову больного, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики и мольбы жертвы, притянулъ голову за свободный конецъ полотенца къ полѣну и, обмотавъ конецъ за свободную часть полѣна, оставилъ больного полежать часикъ-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подействовало слишкомъ сильно; голова съ правой стороны плеча перекочевала на лѣвую. До сихъ поръ никто изъ многочисленныхъ пациентовъ Николая не можетъ сказать, какъ это случилось, что онъ не могъ потрафить. Правда Николай предлагалъ больному исправить, и даже бесплатно, свою ошибку, да тотъ ни за что обѣ этомъ и слышать не хотѣлъ. Упрямаго человѣка конечно, лѣчить трудно, зато и до сихъ поръ ходить онъ съ головой свернутой на лѣвую сторону.

При осипѣ ребятъ, даже только что увидѣвшихъ свѣтъ, по разу, а то и по два раза въ день носять въ жарко натопленную баню, гдѣ и подпариваютъ (почти также лѣчать и сифились, давая при этомъ больнымъ судему или внутрь или при посредствѣ подкуриванія). Въ домѣ, гдѣ появился больной, съ первого же дня заболѣванія и до конца болѣзни не только не моютъ, но и не метутъ половъ; курить въ это время въ избѣ безусловно воспрещается, «чтобы не осердить осипицу». Очевидно, и осипица принадлежитъ къ категоріи боговъ или духовъ. Лѣчимый такъ обр. ребенокъ все время находится или въ страшномъ банномъ жару, или въ промозглой, вонючей и до целия грязной избѣ, постоянно охватываемый струями холоднаго (въ зимнее время) воздуха, врывающимися въ постоянно отворяемыя и затворяемыя двери. Всякое желаніе осипенного больного удовлетворяется, разъ только это представляется возможнымъ. Послѣдствія такого лѣченія осипенныхъ ужасны: некоторые деревни остались совсѣмъ безъ малолѣтнихъ. Сами пермяки называютъ эту болѣзнь «божья милость». Больныхъ, быть можетъ въ виду такого высокаго

происхождения этой болезни, по возможности скрывают, такъ какъ пермяки свято вѣрятъ, что стоитъ только начать лѣчить, и «осица» осердится.

Лѣкарство отъ запоя представляетъ изъ себя, по своей отвратительности, не только нечто невозможное, невѣроятное, но и то, о чёмъ громко говорить не принято. Когда у налившагося до потери сознанія начинаетъ наступать плачевное положеніе, т. е., когда онъ начинаетъ горѣть отъ вина (острое отравление алкоголемъ), тогда ему ложкою или лезвиемъ ножа раскрываютъ крѣпко стиснутые зубы и мочатся прямо въ ротъ, пока его не стошнить. Эта-то тошнота—убѣжденъ пермякъ—и спасаетъ больного отъ неминуемой смерти.

Всякаго рода наговоры, заговоры играютъ въ пермяцкой жизни большую роль, чѣмъ настои изъ травъ и сами травы. Если внимательно присмотрѣться къ жизни пермяка, то нельзя не увидѣть того, что эти христіане не смѣютъ и шагу сдѣлать безъ указанія вѣжливца. Самы колдуны крѣпко хранять свои тайны и только случай помогаетъ узнать эти секреты—«кабалы». Кабала въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошеніе, а такъ какъ это прошеніе пишется и подается лѣсному царю, то подъ понятіемъ «кабала» разумѣется прошеніе къ лѣсному царю. Пишется оно въ экстренныхъ случаяхъ, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится въ лѣсу. Въ этихъ случаяхъ, потерявшій идетъ къ вѣжливцу и сообщаетъ ему о своемъ несчастіи. Колдунъ беретъ кусокъ бересты и, если онъ неграмотенъ, что почти всегда бываетъ, то чертитъ на берестѣ углемъ отъ правой руки къ лѣвой какія-то непонятныя каракульки, говоря въ слухъ въ то же самое время, что именно онъ пишетъ. По словамъ г. Теплоухова, грамотный колдунъ пишеть свою кабалу также, но при этомъ пишеть буквы на выворотъ, такъ что кабалу можно прочесть лишь тогда, когда ее переписать на бумагу и читать съизнанки т. е. на просвѣтъ¹⁾. Здѣсь приведу тексты кабалы какъ Теплоуховской, такъ и моей (см. рисунки ихъ). Въ обоихъ кабалахъ большое сходство. Прошеніе въ Теплоуховской кабалѣ гласить слѣдующее: «Лѣсному царю Митрофану Митрофановичу, прошеніе на лошадь; потеря же стала. У насъ же лошадь сивая и рублей пятьдесятъ стоить; чистое раззореніе намъ пришло. У насъ лошадь вы отпустите добровольно, лѣсной ты царь, Митрофандъ Митрофановичъ. Мы прокуды ничего тебѣ не думали сдѣлать, а ты намъ сдѣлалъ. Пожалуста, намъ отпусти лошадь; за чертой ты у насъ никуда не пошелъ (?). Если ты да не отпустишь, мы будемъ тебя то же беспокоить, другое прошеніе писать. На этой сторонѣ у насъ лошадь жила, должна быть у васъ въ рукахъ. Есть у васъ ваша дорога своя, а крестьянская у насъ особенная, куда лошадь пошли. Если ты добровольно отпустишь, мы будемъ тебя подарить. Такъ вы это отпустите пожалуста намъ...»²⁾

¹⁾ Ниже я укажу, почему я не вѣрю этому разъясненію г. Теплоухова.

²⁾ Соч. Ф. А. Теплоухова. Кабала. Пермь, 1895 г.

Экземпляръ моей кабалы написанъ человѣкомъ безусловно неграмотнымъ и означаетъ слѣдующее: «На потерю лошади—лѣсному царю просьбу; гдѣ у насть находится лошадь, 50 рублей стоять; быть тобы у васть? Дайте намъ добромъ, мы бы вамъ жеваемъ поднести $\frac{1}{4}$ водки, да рыбный пирокъ. На это вы не согласны, то иначе. . . . Дорога (на самой кабалѣ въ это время производилась черта и на ней рисовалась елка) наша. Ежели вы добромъ не даете, мы станемъ съ вами ссорится».

Кабала пишется всегда въ двухъ экземплярахъ, одна гвоздемъ, другая углемъ. Написанная гвоздемъ, сжигается въ печкѣ, самимъ подателемъ прошенія, а другая, написанная углемъ, подается непосредственно лѣсному царю ¹⁾. Самая подача прошенія лѣсному царю производится такъ. Зناхарь вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ, отправляется въ лѣсъ, въ которомъ, по мнѣнию потерявшаго, заблудилась скотина. Здѣсь на перекресткѣ двухъ лѣсныхъ тропокъ знахарь передаетъ кабалу черезъ лѣвое плечо, своему спутнику. Получившій кабалу или кладетъ ее на какой нибудь пень или прямо бросаетъ въ кусты; и то и другое онъ дѣлаетъ лѣвой рукой. Прочтя описание обоихъ кабалъ, вы видите, что какъ въ той, такъ и въ другой, находится обѣщаніе со стороны подателя отдать лѣсного царя, причемъ въ экземплярѣ моей кабалы даже указано, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ. Очевидно, мой вѣжливецъ былъ болѣе практическимъ. Оно и немудрено—ему въ это время было около 65 лѣтъ. Если скотина дѣйствительно отыскивается или, проплутавъ нѣсколько дней, сама выбирается изъ лѣсу и придетъ домой, то писавшій кабалу обязанъ въ точности исполнить свое обѣщаніе и принести на то мѣсто, гдѣ было имъ оставлено прошеніе, обѣщанное угощеніе. Почти всегда въ ту же ночь, какъ исполненъ обѣтъ, принесенные дары таинственно исчезаютъ, съ ними же вмѣстѣ исчезаетъ и поданное лѣсному царю прошеніе. Вотъ главнѣйшая причина, по которой почти нельзя найти кабалу въ лѣсу. Стоитъ ли говорить, что знахарь зорко слѣдить за исполненіемъ обѣщанія и умѣть использовать дары лѣсного царя. Въ случаѣ неуплаты (подобные случаи рѣдки), тѣ же знахари, воспользовавшись первою оплошностью мужика, угонять его скотину снова въ лѣсъ, но уже такъ, что ее никогда не увидить ни самъ крестьянинъ, ни его родня. Почекшеть тогда первякъ свою голову и рѣшить: «за дѣло наказалъ меня лѣсной царь—я обманулъ его! Выдать кабалу кому-нибудь въ руки не рѣшится почти ни одинъ знахарь. Во-первыхъ, это ему не выгодно; во-вторыхъ, хотя онъ и обманываетъ народъ, но самъ тоже въ существованіе лѣсного царя вѣрить и по-

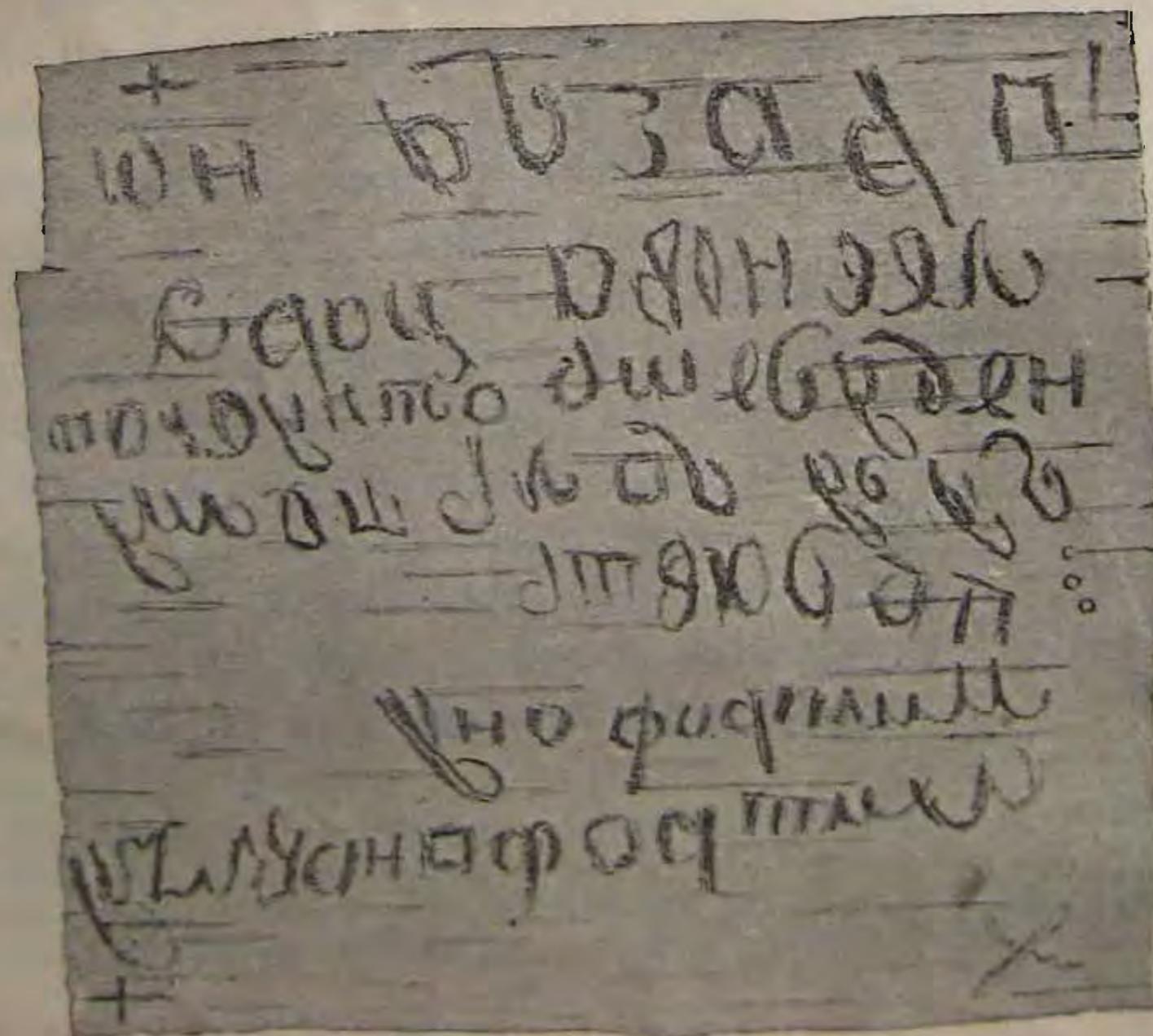
¹⁾ Это обстоятельство, очевидно, неизвѣстное г. Теплоухову, и ввело его въ заблужденіе, заставивъ думать, что у него не одна, а двѣ кабалы, тогда какъ на самомъ дѣль, онъ имѣть или одну поднаю кабалу (какъ я) или, что мѣр представлется более вѣроятнымъ, только половину ея, такъ какъ другая ея половина крайне подозрительна.

Кабала, принадлежащая Ф. А. Теплоухову.

№ 1.

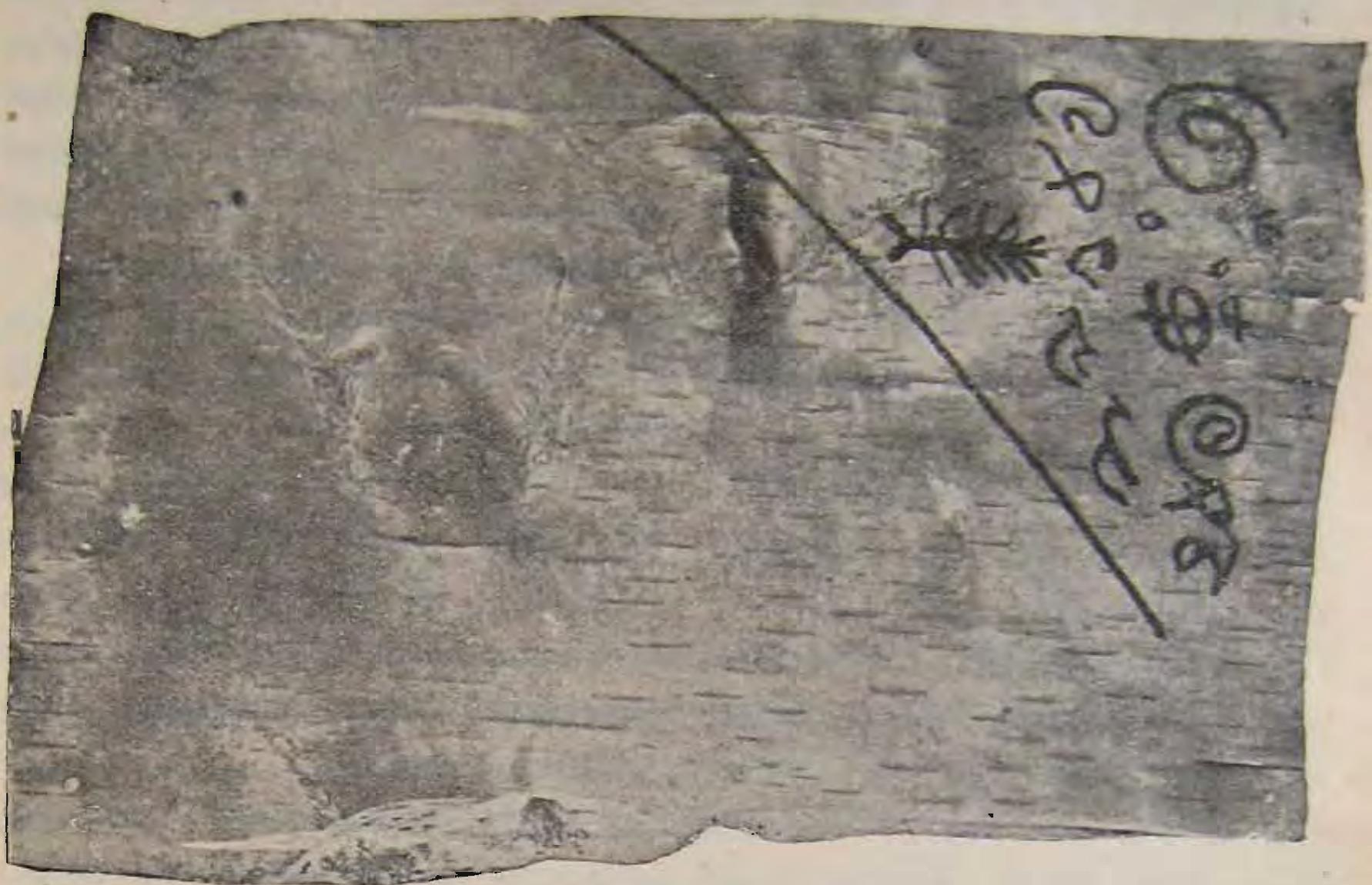

№ 2.

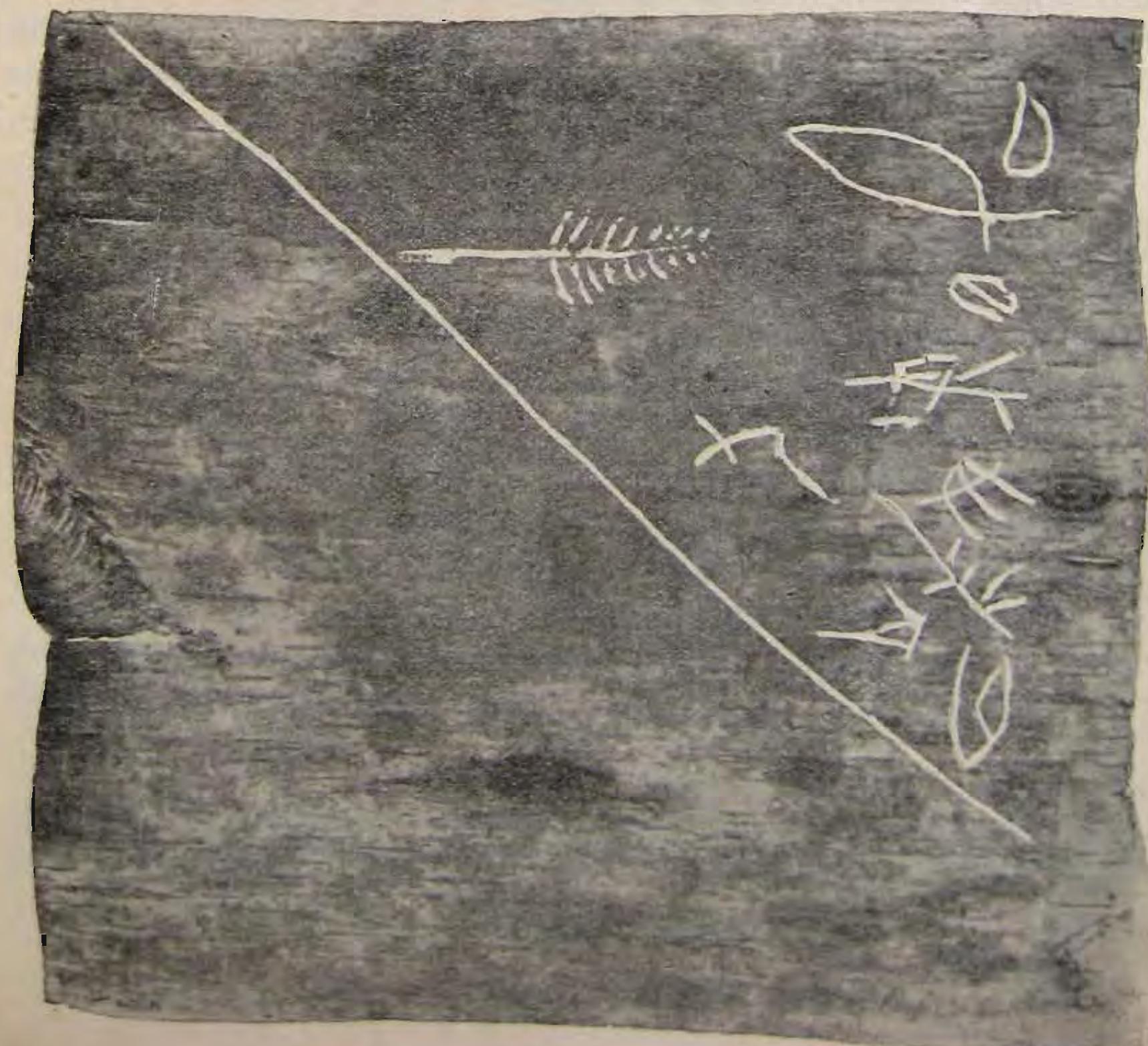

Кабала, принадлежащая В. М. Яновичу.

№ 1 (писана углемъ).

№ 2 (писана гвоздемъ)

бивалася его и, въ третьихъ, остальные вѣжливцы, узнавъ о поступкѣ его, могутъ не только побить, но и убить его, какъ нарушителя ихъ професіональной тайны. Найти самую кабалу въ полномъ ея видѣ невозможно: первая ея часть сжигается въ печкѣ, вторая же ея половина, оставленная въ лѣсу или уносится современемъ самимъ захаремъ, или же первый дождь смываетъ съ бересты знаки угля. Да и гдѣ найти кусочекъ бересты въ вѣковомъ лѣсу?

Въ экземплярѣ Теплоуховской кабалы стоитъ знакъ вопроса, поставленный самимъ авторомъ, послѣ словъ: «за чертой ты у насъ никуда не пошелъ». Попытаюсь разъяснить его недоумѣніе. Подъ чертой, на концѣ которой или по срединѣ которой рисуется елка, подразумѣвается «лѣсная дорога». Подъ выше приведенной фразой надо разумѣть слѣдующее: «лошадь наша была не за чертой лѣсной дороги, у тебя есть своя дорога, есть и у насъ своя крестьянская, на ней-то и была лошадь; а разъ дѣло было такъ, то и ты неправъ переходить за черту своихъ владѣній». Кабала, имѣющаяся у г. Теплоухова, представляется мнѣ правильной только въ ея первомъ изображеніи; вторая же, какъ написанная слишкомъ грамотно для тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ она доставлена, можно счесть за поддѣльную. Судите сами: можетъ ли п хорошо грамотный человѣкъ—безъ очень долгой практики—писать буквы на вывороть, да еще съ лѣвой стороны къ правой. Любопытно было бы знать: обѣ ли кабалы г. Теплоухова написаны углемъ или же одна углемъ, а другая гвоздемъ. Если обѣ писаны углемъ, то одна изъ нихъ—и несомнѣнно грамотнѣйшая—поддѣльна; если же нѣть, то можетъ быть я и неправъ, т. е., что у г. Теплоухова имѣются обѣ части кабалы и при этомъ съ совершею иными знаками, чѣмъ у той, что пріобрѣтена мною ¹⁾.

Собственно кабала состоить изъ талона и квитанціи. Кабалу, писанную углемъ, иначе какъ квитанціей и не назовешь: вѣдь она служить только для опредѣленія мѣста, куда лѣсному царю за его добропорядочность принесутъ дары; талонъ же поступаетъ къ нему въ видѣ дыма. Достать всю кабалу можно только путемъ обмана, да и то не сразу. Такъ, я досталъ свою только при посредствѣ услужливаго человѣка, который, упросивъ колдуна написать кабалу на его въ то время дѣйствительно заблудившуюся лошадь, послѣ написанія наполъ его до безчувствія, и въ это время благополучно скрылся съ кабалою. Выкинуть эту штуку доставившій, однако же, рѣшился только потому, что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ оставить Ошибскую волость навсегда. Также случайно, какъ удостовѣряетъ авторъ, досталася кабала и г. Теплоухову.

¹⁾ 1 Случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ справедливости моего предположенія. Колдунъ, писавшій кабалу г. Теплоухову, абсолютно неграмотный—бывшій царь изъ Ошибской волости, по фамиліи Власовъ.

Роль знатарей не ограничивается писаниемъ кабаль и червѣшваномъ. При описаніи крестинъ, свадебъ, похоронъ и вообще еще часто придется съ ними сталкиваться.

Перейдемъ къ описанію типа пермяковъ и ихъ одѣжды. По наружному виду, пермякъ чаще средняго роста и сложенія; онъ блондинъ или брюнетъ; послѣдніхъ больше и лишь изрѣдка попадаются рыжіе. Глаза небольшіе, узенькие, монгольскаго типа; у нѣкоторыхъ же субъектовъ прямо-таки не глаза, а щели. Между пермяками довольно нерѣдки случаи альбинизма, т. е. находятся люди съ красноватымъ зрачкомъ. Такой субъектъ имѣть замѣчательно бѣлыѣ волосы, почему и называется «бѣлый царь». Люди эти видѣть днѣмъ очень слабо, и они всегда идутъ, прикрывая глаза рукой и прищуриваясь насколько возможно. Какъ пермяки, такъ и пермянки сильно скуласты. Растительность на бородѣ и усахъ развита весьма слабо, у многихъ ея почти нѣть. Пермяцкая одѣжда не затѣйливая. Женщины носятъ на головѣ шамшуры (родъ нашего очипка) и поверхъ обвертываютъ платкомъ или шалью. Поверхъ исподней рубахи надѣвается дубасъ (среднее между юбкой и сарафаномъ) изъ домашняго синяго холста, поверхъ его фартукъ, чаще полосатый, на шеѣ накинутъ платокъ, а талю охватываетъ покромка (поясокъ)—почти всегда домашней работы—красный или какой-либо другой съ кистями на концахъ. Ноги тщательно и довольно высоко обернуты онучами и обуты въ лапти. Пермяцкій лапоть отличается отъ русскаго темъ, что онъ обшить опушкою изъ какой-либо матеріи, къ которой пришиты двѣ покромки; этими покромками придерживаются какъ сами лапти, такъ и онучи. Неимѣніе опушней и покромокъ на лаптяхъ — признакъ дурного тона и встрѣчается или у записного лѣнтя или у пьяницы. Поверхъ этой одѣжды одѣвается лѣтомъ синій холщевый шабуръ (пальто), а зимой шерстяной зипунъ; кто побогаче—носить и шубу. Мужская одѣжда, кромѣ обыкновеннаго, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ, платья, состоитъ еще зимою изъ холщевой накидки, представляющей изъ себя нѣчто вродѣ длиннаго фартука съ разрѣзомъ на груди, съ рукавами и широкимъ лоскутомъ, вродѣ матросскаго воротника, сзади. Этотъ фартукъ называется пермяками запономъ; запонъ всегда или бѣлаго или синяго цвѣта. Шапки лѣтомъ круглые, войлочные, киргизскаго образца, а зимой большія, самодѣльные изъ овечьей шерсти. Рукавицы изъ собачьей или волчьей шкуры, огромныя и очень теплые. Почему-то у пермяковъ даже и очень богатыхъ мало исподняго платья, да и дѣлается оно до-нельзя узкимъ. Послѣднѣе неудобство особенно сильно чувствуется пермянками. Случается, что во время беременности, рубаха у нихъ становится настолько узкой, что ее приходится разрывать отъ груди до подола. Иначе она никакъ не одѣвается, иходить тогда бѣдняга въ такой рубахѣ въ заминую стужу, едва защищенная отъ нея своимъ жалкимъ и, зачастую, сплошь взодранымъ дубасомъ.

Отдельные части одежды называются лопотью, лопотиною; вся же одежда и белье, и холсты—словомъ, все имущество—хламомъ. «Мужъ изодрава всю волость», говорить пермянка, когда у ней ея благовѣрный издеретъ одежду. «Весь хвамъ чисто-чисто и рубиша»,—плачеть она, когда пьяница-супругъ испортитъ все ея имущество. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои рубахи по-долгу, а порой попадаются и такие любители, что не снимаютъ ея до тѣхъ поръ, пока она не спадетъ совсѣмъ съ плечь. Сколько въ такихъ рубахахъ всякаго звѣря, обѣ этомъ и говорить не стонть. Ребять одѣваютъ совсѣмъ попросту и у иныхъ, совсѣмъ еще малютки, бѣгаютъ не только лѣто, но и осень и даже зиму въ одной длинной рубашенкѣ сомнительной цѣности. Повидимому, нигдѣ такъ не любятъ дѣтей, какъ среди пермяковъ, правда—по инымъ основаніямъ. Нигдѣ не встрѣтить такого множества приемныхъ дѣтей и воспитанниковъ, какъ среди пермяковъ. Пріемышъ много даже и въ такихъ семьяхъ, гдѣ бы, казалось, не только принимать, а скорѣе отдавать слѣдовало. Пермякъ не дѣлаетъ различія между родными и пріемными дѣтьми и, взростивъ ихъ совершенно одинаково, надѣляетъ изъ благопріобрѣтенного какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Бытвая черта замѣчательно гуманная. Если пермяки такъ любятъ дѣтей, то откуда же берутся воспитанники и воспитанницы?

Здѣсь вы встрѣчаете людей съ слишкомъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь. Понятія о цѣломудріи почти здѣсь совсѣмъ не существуетъ; непрочны и устои семейной жизни. Несомнѣнно только одно: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ дѣтей, или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и не вполнѣ довольны дѣвушками еще непорочными. «Еще когда своего наживешь—говорить пермякъ—а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и борноволокъ есть (ребенокъ, управляющій лошадью во время бороненія)». Брать моего кучера долго искалъ дѣвушку съ ребенкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, на сносяхъ. Наконецъ, судьба, повидимому, сжалась надъ имъ: подходящая дѣвушка нашлась. Предложеніе было сдѣлано, и родители были согласны выдать дочь, но родившагося у дочери во время переговоровъ ребенка (дѣвочку) категорически отказываются отдать. • Жениться—женись и дѣтей наживай, а эта на нашихъ хлѣбахъ выгулялась». Мнѣ какъ-то пришлось корить одну мать, пустившую свою дочь на гульбу въ болѣе, чѣмъ юномъ возрастѣ. «Вѣдь она ребенокъ еще», говорю я матери.—«А когда и погулять-то, какъ не смолоду», отвѣчала она. Рѣдкая дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣть ребенка: «не видала я его, что-ли», говорить обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Родители, по свидѣтельству одного изъ местныхъ этнографовъ, Рогова, первого бытописателя пермяковъ, убѣждены, что если сватаются за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онѣ по крайней мѣрѣ въ мнѣніи общества, уже потеряли дѣвство. Потому-то некоторые отцы, считая дочерей

своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранять, выгоняютъ, нерѣдко колотять сватовщиковъ, приговаривая: «что разъ (т. е. развѣ) дочь моя пенна (отъ слова пеня, пенный—виновный), что пришелъ ты сватать? Неимѣніе дѣтей для замужней женщины большое несчастіе; ее бывать и корять всѣ въ домѣ, а иной разъ и посылаютъ прямо-таки пригулять дитя на сторонѣ. Въ одномъ изъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ было такое дѣло. Истецъ представилъ документъ, которымъ нижеподписанвшимъ ставили условіе: истецъ отдаетъ отвѣтчику на годъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по истечениіи срока, представилъ ее обратно съ мальчикомъ; въ вознагражденіе за исполненіе условія истецъ платить нынѣ же отвѣтчику пять рублей. По истечениіи условнаго времени оказалось, что отвѣтчикъ хотя и возвратилъ истцу его жеяу и даже съ ребенкомъ, но не мужскаго, а женскаго пола. Истецъ, въ виду нарушенія договора найма, просить присудить деньги обратно. Отвѣтчикъ не признавалъ этого иска, такъ какъ онъ старался выполнить условіе. Стороны помирились. Какъ плохо смотрѣть на честныхъ дѣвушекъ, показываетъ слѣд. совсѣмъ недавній фактъ. Къ одному изъ земскихъ начальниковъ пришла какъ-то молодая женщина пермячка съ просьбой о выдачѣ ей отдѣльного вида на жительство, въ виду того, что мужъ безпощадно бываетъ ее и жить ей совмѣстно съ мужемъ невозможно.— «За что же бываетъ онъ тебя. Вѣрою сама нехорошо себя ведешь», — спрашиваетъ ее земскій. — «Именно за то и бываетъ, батюшка, что съизмала себя хорошо держала». — «Какъ-такъ?» — «Да ужъ такъ. Честная я за него вышла, вотъ онъ теперь меня корить: даже въ дѣвкахъ была, никто на тебя не во-зарился; одинъ только я такой дуракъ и нашелся». На увѣщенія одного изъ священниковъ жить нравственнѣе одинъ почтенный старикъ отвѣтилъ: «да вѣдь мы, батюшка, и такъ по божиѣ живемъ; вѣдь Богъ-то плодиться велѣлъ, вотъ мы и плодимся, какъ умѣемъ! Не удивительно, поэтому, что въ семье пермяка рѣдко бываетъ тиши да гладь. Всѣ семейные устои расплатаны, взапинаго уваженія и довѣрія нѣтъ и въ поминѣ. Понятія же о чистой, такъ облагораживающей семейную жизнь, любви не существуетъ даже и на языкѣ пермяцкомъ. Семейные отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней и крайне развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ препродовой и послѣродовой періоды, тяжелая работа — все это немало способствуетъ измельченію народа. Мужчины бываютъ женщинъ сильно, бываютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Жаловаться не приходится: бываютъ, вѣдь, свои домашніе; пожалуешься — еще и не такъ вздуютъ. Собственно сильныхъ побоевъ, по мнѣнію бывшихъ, не напосить. «Да нешто я биль; я только ее съ полатей варовыми вожжами хлестнуль», говоритъ супругъ, по поводу причитаній пѣжной супруги. Вообще въ дѣлахъ семейной расправы пермяки отличаются замѣчательной жестокостью, доходящей иногда до варварства. Въ силу

того, что женщина въ семье не имѣть рѣшительно никакого значенія, что въ нее смотрять лишь какъ на самку, ей, какъ самкѣ, приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди пермяковъ. Снохачество—явление совсѣмъ заурядное; братья часто отбиваются женъ у своихъ братьевъ; нерѣдкость даже прижитіе дѣтей отъ родныхъ сестеръ; бываютъ случаи и сожительства сыновей съ материами и дочерей съ отцами. Случаи послѣдняго рода, конечно, немало способствуютъ вырожденію народа.

II.

Родины.—Крестины.—за тѣми, пріемыши.—Свадебные обряды.—Угощеніе (столы, пельмань).—Похороны.—Поминки.—Душа покойнаго.—Заговоры отъ глазу.

Изъ дней особенно знаменательныхъ въ человѣческой жизни и особенно чтимыхъ всѣми и вездѣ, какъ именины и день рожденія, эти дни у пермяковъ наименѣе чтятся.

Родины сами по себѣ занимаютъ послѣднее мѣсто; на нихъ смотреть небрежно. Заболѣвшую бабу уводятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ на полу бросаютъ свѣжей соломы, а на нее и кладутъ роженицу. Къ больной приглашаютъ одну или двухъ старушекъ; иной разъ и больше; они помогаютъ роженицѣ. Если, по мнѣнію этихъ лицъ, роды затягиваются слишкомъ долго, то они начинаютъ мять бабѣ животъ, трясутъ ее, приподнимая то за ноги, то за руки и подвѣшиваютъ къ полку. Подвѣшиваніе производить или за руки, если ребенокъ идетъ правильно, или за ноги, когда ребенокъ идетъ неправильно. На совѣсти бабушекъ много не только вольныхъ, но и болѣе тяжкихъ грѣховъ. Помимо чисто физической помощи, бабушки помогаютъ родильницѣ и употреблениемъ средствъ симпатическихъ. Къ таковымъ для облегченія родовъ относятся: расплетеніе волосъ у больной, испугъ ея и просьба, если только близко церковь, отворить царскія врата. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, мать или сама, если въ силахъ, или при помощи бабушекъ моется и парится, равно какъ обмываеть и парить ребенка. Одна изъ бабушекъ въ тоже время отправляется къ рѣчкѣ или ключу и, засечинувъ тамъ пригоршнею воды, которую непремѣнно черпаетъ не противъ теченія, а по теченію, спускаетъ ее по локти въ туясь (ведерко изъ бересты). При этомъ она нашептываетъ: «какъ вода на локти не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держитесь». Такимъ образомъ черпается воды тридцать горстей (т. е. три раза по девяти), которые считаются всегда съ отрицаніемъ, какъ говорится, «сзади»: «не одна, не двѣ, не три, не четыре» и т. д. до девяти. Заполучивъ такъ воды, бабушка беретъ ее въ ротъ и спрыски-

ваетъ съ березоваго угля (черезъ уголь) какъ родильницу, такъ и новорожденаго; послѣднему иногда на темя кладутъ немножко соли. Все это продолжается отъ «уроковъ» — отъ сглазу. Въ силу уроковъ вѣрять далеко не одни пермяки, а и люди весьма интеллигентные. Новорожденаго, затѣмъ, приносятъ въ избу и передаютъ отцу, который и укладываетъ его въ люльку; роженицу же, напоивъ и накормивъ, оставляютъ въ покой. Въ ближайшій праздничный день новорожденаго несутъ въ церковь крестить. Здѣсь, послѣ объеда батюшка нарекаетъ одно имя для всѣхъ мальчиковъ и одно для всѣхъ девочекъ, принесенныхъ къ крещенію. Отсюда иногда происходятъ недоразумѣнія. Имя, даваемое ребятамъ, чаще всего то, память чьихъ святыхъ чтится въ день крещенія. Оно бываетъ иной разъ слишкомъ мудренымъ, и кумъ или кума, возвращаясь съ ребенкомъ обратно домой, или забываютъ его или просто путаютъ. Иногда суровые батюшки даютъ незаконнорожденнымъ совсѣмъ мудреные имена, якобы въ наказаніе и назиданіе другимъ. Никакихъ празднествъ ни при рождѣніи, ни при крещеніи не происходитъ, развѣ если къ случаю этому попала рыба, такъ испекутъ для кума и кумы рыбный пирогъ. Крестныхъ отца и мать и крестники, и крестницы почитаютъ иной разъ не только не меныше, но и больше своихъ родителей. Малютокъ кормятъ, если только представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ сами матери, подбавляя молока изъ соски, а также браги, а чуть-чуть постарше, такъ съ полугода, переходятъ и на хлѣбъ. Какъ только малышъ всталъ на ноги, заботы о немъ покончились. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и быть, гдѣ только пожелаетъ. Да и раньше-то уходъ невеликъ: совсѣмъ маленький ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ на разномъ хламѣ и лишь изрѣдка, когда разревется не въ мѣру, укачивается въ ней кѣмъ-либо изъ семьи. Никакой одежды младенцамъ не полагается, и даже въ церковь ихъ приносятъ завернутыми въ материнскія, порой крайне грязныя, юбки. Завертываютъ, какъ попало и въ тоже время не обращая никакого вниманія ни на крики, ни на поведеніе дитяти, матери бываютъ иногда виновницами ужаснѣйшей смерти своихъ дѣтей (напр., во время мороза). Съ достижениемъ дѣтьми семилѣтняго возраста ребята начинаютъ учить. Вопросъ объ обученіи поставленъ въ настоящее время хорошо, жаль лишь одного — школъ не хватаетъ.

Именны празднуются у пермяковъ очень рѣдко. Оно и неудивительно: мало кто знаетъ, когда онъ имениникъ, и этотъ день для нихъ положительно безразличенъ. Развѣ тотъ, кто видѣлъ, какъ въ другихъ мѣстахъ празднуютъ «ангела», напытается по этому случаю до-пьяна, предварительно сходивъ въ церковь, но, это бываетъ слишкомъ рѣдко.

Совсѣмъ не ту картину представляютъ свадебные обряды, они и замысловаты и своеобразно пышны. Свадьбы устраиваются чаще всего самими

родителями; вкусы жениха и невесты положительно игнорируются. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ жениха, не пожелавшаго было жениться на избранницѣ родителей, презрѣдно выдрали, а затѣмъ и ~~женили~~ въ тотъ же операціонный день. О томъ же говорить и пермяцкая пѣсня:

Безъ меня, меня женили,
Я на мельничѣ былъ.
Прѣѣжаю я домой,
Меня жавуютъ жоной.

Женять пермяковъ чаще всего въ самомъ раннемъ возрастѣ. Зато жены для нихъ берутся иной разъ не на одинъ десятокъ лѣтъ постарше—отгулявшія свою волюшку. Поэтому, чуть не каждый пермякъ, какъ только стукнетъ ему лѣтъ тридцать—сорокъ, т. е. какъ только онъ станетъ въ разцвѣтѣ силъ, становится обладателемъ препочтеннѣйшей старушки, которая, въ силу причинъ естественныхъ, дѣлается и безусловно вѣрѣйшей супругою. На нравственной сторонѣ семейной жизни такое положеніе вещей не можетъ не отзываться печально. Ранніе браки имѣютъ за собой только одно объясненіе: взять въ домъ, какъ можно скорѣе, здоровую работницу. Рѣдкій бракъ, заключается безъ посредства свата или свахи. Сватанье обыкновенно происходитъ такъ. Посланный родителями жениха сватъ или сваха, при входѣ въ домъ невесты, обращается къ родителямъ ея, предварительно помолившись Богу, съ такого рода рѣчью: «пришелъ сватать, прошу не сердиться, водой не брызгаться, сажей не мараться, отопкомъ не кидаться (старыми лаптями), ожегомъ (палка, которой мѣшаютъ въ печи уголья, отъ сгоранія она становится острой) не тыкаться. А станемъ говорить: ваша невѣста, мой женихъ. Давайте-ка родню дѣлать (давайте-ка породнимся)». По обыкновенію, сватамъ сначала отказываютъ, но отказъ этотъ еще ровно ничего не значитъ. Сваты являются въ другой и третій разъ. Если ихъ при сватаны напоили брагой, то, несмотря на отказъ, означаетъ, что предложеніе будетъ принято и родители невесты только куряжатся. Въ противномъ же случаѣ, въ концѣ концевъ послѣдуетъ отказъ. Сватъ усиленно выхваливаетъ своего жениха и все его семейство; онъ увѣряетъ, что женихъ и спить и видѣть только одно—свою желанную невѣstu (это особенно бываетъ странно тогда, когда ни тотъ, ни другая другъ друга и отъ роду не видывали), что онъ исхудаль, того и гляди помреть, и что только это послѣднее обстоятельство, въ связи съ стариннымъ знакомствомъ съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, да черезчуръ чувствительное сердце его, свата, и заставили его взяться изъ жалости къ жениху за совершенно незнакомое ему дѣло сватовства. Только этимъ способомъ онъ, оказывая жениху незамѣнную услугу, докажетъ, какъ онъ цѣнитъ его прекрасныя качества. Въ свою очередь, и

родители невѣсты не отстаютъ отъ свата и до небесъ восхваляютъ добрая качества своей дочери. Пока сватовство не закончено, ни одинъ изъ родителей не преминеть сказать, что лучше работящей, невиннѣйшей его дочери, хотя бы и на сносяхъ или съ борноволоками, найти нельзя. Зато и свать, въ виду слишкомъ пылкаго чувства своего жениха, говорить, что за невѣстой ровнешенько ничего не надо. Потомъ, когда предложеніе принято, тотъ же свать уговаривается съ родителями невѣсты о приданомъ и тутъ уже старается урвать все, что только можно. Въ горячности дѣло, иногда, несмотря на первоначальный уговоръ, доходитъ и до драки. Сваты чаще всего прѣѣжаютъ верхомъ на лошади и оставляютъ ее за воротами; какъ только дано согласіе, лошадь вводится во дворъ и ей даютъ сѣна. Въ тоже время на хозяйствій столъ ставится, заботливо привезенная на случай удачи, водка. Распитіе ся составляетъ конецъ сватовства и затѣмъ идетъ просватанье. Самый фактъ этотъ въ настоящее время сводится къ небольшому: невѣста потчуєтъ водкою свата, а если съ нимъ женихъ, то—жениха, а потомъ и свата и, за тѣмъ, удаляется, а родители ея и свать начинаютъ рѣчь о приданомъ и подаркахъ для родни. Вопросъ этотъ весьма существенъ для обоихъ сторонъ и здесь то, глав. обр. и должна изощряться ловкость коварнаго свата. Подарки требуются не только всей роднѣ жениха, но и для всѣхъ поѣзжанъ; къ тому же, жениховская родня требуетъ подарки и для грудныхъ дѣтей. Дать слишкомъ много разорительно, но страшно и мало дать. Тогда моло-душку изѣдятъ покорами: нищенка! безприданница! Какъ только щекотливый вопросъ поконченъ, свать уѣзжаетъ и прѣѣзжаетъ обратно не позднѣе слѣ-дующаго дня вмѣстѣ съ женихомъ и его родственниками и поѣзжанами. Въ этотъ день совершаются пропой, но не рукобитье (этого уже нѣть). Прѣѣжаютъ возможно рано и ужъ ни въ какомъ случаѣ не позднѣе полудня. Прѣѣжаютъ не съ голыми руками, а, судя по состоятельности жениха, приво-зять: четверть, полведра, а то и болѣе водки, пиво и брагу съ изюмомъ (болѣе хмѣльную и вкусную), рыбный пирогъ и прочее. Какъ только взошелъ женихъ, невѣста накрываетъ на столъ, а ее родственницы устанавливаютъ на немъ все привезенное. Когда устройство стола закончено, жениха и невѣсту сажаютъ въ передній уголъ и даютъ имъ въ руки новый платокъ. Платокъ этотъ новонарѣченные должны держать лѣвой рукой, каждый за свой уголъ, до конца пропоя, а конецъ этому пропою бываетъ иной разъ далеко за полночь. Къ этому надо добавить, что у пермяковъ выходить изъ-за стола до конца обѣда не принято. Во время пропоя (по старому, рукобитья) женихъ угощаетъ невѣсту нарочно привезеннымъ для нея дессертомъ: пряниками, кон-фектами, изюмнымъ пирогомъ и тому подобными лакомствами. Само собою разу-мѣется, что сугубо непраздными остаются при этомъ и родители, и поѣзжане.

Привезенная водка расливается чуть ли не моментально, за нею тотчас же появляется новая, приготовленная въ ожиданіи прѣзда дорогихъ гостей родителями невѣсты, а чаще ими же слѣянная кумышка; если же таковой въ домѣ нѣть, то подается или хмѣльное—прехмѣльное пиво или такая же брага. Какъ въ то, такъ и въ другую для крѣпости подливаютъ водку, спиртъ и даже ромъ. Конецъ рукобитью наступаетъ только тогда, когда всѣ поѣзжане, а нынѣ и женихъ съ невѣстой перешлились. Раньше было въ обычай, что новонарѣченные держали себя съ смѣшною важностью. Теперь дѣло обходится безъ церемоній. Въ общемъ, вся картина современного рукобитья представляется безшабашнымъ пьянствомъ. Да и сами пермяки говорятъ: «у меня завтра пропой такой-то дочери», а не рукобитье. Впрочемъ пѣрѣдка употребляется еще и это выраженіе. Самый фактъ пропоя или рукобитья составляетъ весьма существенное значеніе при просватаніи. Послѣ дачи слова еще можно отказаться, но послѣ пропоя отказъ невозможенъ. Рукобитье—половина закона, и отказаться послѣ него значитъ «законъ разлучить», а это великий грѣхъ.

Свадьба назначается, по возможности, вскорѣ; вообще же просватанье и свадьба бываютъ въ одно промежговѣніе. Въ день свадьбы женихъ еще до сбора поѣзжанъ садится за столъ и за нимъ ожидаетъ прѣзда гостей. Среди поѣзжанъ находится и заранѣе приглашенный вѣжливецъ, безъ которого свадьба не обходится. Собственно говоря при совершенніи брачнаго обряда вѣжливецъ представляетъ изъ себя альфу и омегу и во всякомъ случаѣ играетъ большую роль, чѣмъ священникъ. Безъ указанія вѣжливца, даже безъ его позволенія, ничего и никому нельзя сдѣлать: ни встать, ни сѣсть, ни выпить, ни закусить. Онь слѣдитъ за ходомъ всей свадьбы; отъ него точно зависитъ все счастье молодыхъ. Какъ только поѣзжане усѣлись зимою въ сани, а лѣтомъ верхомъ (у пермяковъ какъ мужчины, такъ и женщиныѣздятъ лѣтомъ верхами, причемъ женщины и девушкиѣздятъ по-мужски, иѣздятъ прекрасно), вѣжливецъ обходитъ всѣхъ ихъ, треплетъ по шеѣ каждую лошадь, дуетъ ей въ уши, а о сани задѣваетъ ногой. Случись что-либо неладное въ поѣздѣ: напр., оглобля вывернись, вывалился кто-нибудь въ ухабѣ, это уже означаетъ нерадивость вѣжливца: видно, онъ полѣнился хорошо заговорить и, поэтому обязанъ тотчасъ же возобновить свой заговоръ. Присутствіе колдуна хотя и необходимо, но, въ тоже время, и никому нежелательно, такъ какъ онъ черезчуръ стѣсняетъ поѣзжанъ. Для постороннихъ же, т. с. не участвующихъ въ поѣздѣ, особа эта—прямо-таки наказанье. Кому, напр., охота заслонить дорогу такому чудищу. Волей-неволей приходится пермяку, зачастую съ тяжелымъ возомъ, сворачивать въ сѣжные сугробы. Да и нельзя иначе—не равно осердится и что-нибудь живо испортить. Хотя каждый вѣжливецъ и крѣпко силенъ, но все же между собою они не равны силою. Есть получше-покрѣпче, есть и по-

хуже-послабже. Разъ въ свадьбѣ принялъ руководительство лучшій—сильнѣйшій вѣжливецъ въ данной мѣстности: поѣзжане чувствуютъ себя героями,—ихъ никто не испортитъ. Даже встрѣчныя свадьбы должны будуть не только дать имъ дорогу, но и первыми поклониться. Необходимо замѣтить, что женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ, и вопросъ о первенствѣ въ поклонахъ можетъ имѣть мѣсто только при встрѣчѣ двухъ свадебъ, да и эти тонкости свадебнаго этикета встрѣчаются лишь въ самыхъ захолустьяхъ. Пока вѣжливецъ вѣрь пьянъ, онъ хоть и гость, но довольно опасный и для поѣзжанъ: всѣ боятся его и слушаютъ каждое его слово. Зато, когда колдунъ впадаетъ до безчувствія, съ нимъ заводятъ не только ссоры, но и драки. Случается, что послѣ хорошей потасовки и самъ колдунъ отлеживается въ постели не одну недѣлю. Бывать вѣжливца только безобразно пьяного, такъ какъ въ это время, впредь до вытрезвленія, онъ теряетъ силу колдуна. Бывать же его за сдѣянный кому-нибудь до этого времени вредъ, т. с. самимъ поѣзжанамъ или ихъ родственникамъ, или ихъ знакомымъ. Такимъ несомнѣнѣмъ вредомъ признается порча лошади, свиньи, курицы и т. п. Грамотные пермяки (народъ болѣе развитой) потѣшаются надъ пьяными колдунами иначе: они читаютъ надъ кусочкомъ воска воскресную молитву и прилѣпляютъ эту воскъ къ его, колдуна, платью. Умный колдунъ, разъ онъ еще не потерялъ сознанія, замѣтивъ продѣлку, падаетъ на землю и начинаетъ ползать по ней. Онъ залѣзаетъ подъ лавки, иной разъ валится, какъ бы въ изнеможеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ онъ доставляетъ немалое удовольствіе окружающимъ, но въ тоже время доказываетъ и то, что воскресная молитва ему не по нутру. Онъ въ близкомъ знакомствѣ съ врагами этой молитвы, съ духами нечистыми, отъ которыхъ и зависить всякая пакость въ Божьемъ мірѣ. Если же колдунъ ничего не замѣтилъ, то это уже какъ дважды-два доказываетъ, что онъ напился, и нечистая сила отъ него отступилась. Плохо тогда приходится бѣдному колдуну, но, въ видахъ сохраненія своего значенія, онъ безропотно подчиняется печальной въ этихъ случаяхъ участи. По возвращеніи со свадьбы, когда «начались столы» (см. ниже), оскорбленный и подыпившій старый вѣжливецъ завелъ съ новоявленнымъ (гость-шутникъ) споръ и доказывалъ тому свою сллу. Да не на таковскаго напалъ; шутникъ-колдунъ, съ нимъ и спорить не сталъ. «Куда, говорить онъ, тебѣ со мною тягаться не только въ силѣ, а и въ питьѣ: я тебя за поясъ заткну. Да что тягаться, тебѣ и стакана водки не выпить, коли я ее закляну, а ужъ если выпьешь, такъ все равно тебѣ свадьбы не высидѣть». — «Не только одинъ, а два стакана выпью», кричалъ вѣжливецъ. Поспорили. Взяли по стакану, разошлись по разнымъ угламъ и стали творить надъ водкой какія-то заклятія. Потомъ пошли къ столу. Новый колдунъ взялъ отъ старого стаканъ заговоренаго вина и однимъ махомъ выпилъ его, а, затѣмъ, подалъ ему свой стаканъ. Взялъ

его вѣжливецъ и, хотя крѣпко поморщился, всетаки весь выпилъ. Потѣхане такъ и впились глазами въ спорящихъ. Смотрѣть потѣхане—что за притча такая: мутить старого вѣжливца, подбираетъ его, а молодой—ничего: пить себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Блѣдишься старикъ и, въ концѣ концовъ, до того дошелъ, что хозяева пригласили его удалиться, такъ какъ рядомъ съ нимъ нельзя было сидѣть, а самъ онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Оказалось, что вмѣсто стакана водки шутникъ поднесъ колдуну цѣлый стаканъ касторового масла. Вѣжливецъ потерялъ всякий престижъ, а слѣд. и зароботокъ. Онъ оказался шарлатаномъ, и многіе послѣ этого случая дивились, какъ они могли ошибаться. А иные прямо-таки говорили: «мы ужъ давно замѣчали, что онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ».

Самый обрядъ вѣнчанія оказывается невозможнѣй дорогимъ: безъ освѣщенія и пѣвчихъ 8 рублей; съ малымъ освѣщеніемъ 9 руб. 50 коп.; съ большимъ освѣщеніемъ 11 руб., за пѣвчихъ, смотря по зажиточности, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Повѣнчанные, выходятъ изъ церкви въ церковную сторожку, гдѣ «молодой» расплетаютъ косу и расчесываютъ ее. Послѣ расчесыванія волосы молодушки заплетаются въ двѣ косы и на нихъ надѣвается шашмуръ—съ этого момента пермянка становится покрытой. По окончаніи этой церемоніи молодая достаетъ изъ запазухи рыбный пирогъ. Пирогъ этотъ во все время свадьбы лежитъ непосредственно у тѣла невѣсты, завернутый въ тряпицы, чтобы не простылъ. Пирогъ разламывается молодухою пополамъ; одна половина дается мужу, а другая берется себѣ. Какъ туть, такъ и другая обязаны сѣсть весь пирогъ тутъ же въ сторожкѣ. Только по исполненіи этихъ обрядовъ и, сообразуясь, конечно, съ указаніями вѣжливца, свадьба трогается въ обратный путь. Во время самаго вѣнчанія ничего особеннаго не происходитъ, развѣ только можно отмѣтить, что платокъ, который держали вѣнящающіеся еще при рукобитии и во все время свадебнаго обряда и послѣ его до знаменательного ухода въ голбецъ, ни женихомъ, ни невѣстою не выпускается изъ рукъ. Боже упаси кому-нибудь пройти между брачующимися: этимъ онъ разлучаетъ законъ и такого, хотя бы и въ церкви, побоюсь пре-основательно, отнюдь не обращая вниманіе на то, кого бьютъ. При чтеніи евангелія во время вѣнчанія невѣста, разъ она правственна, подходитъ къ аналою и кладеть на евангеліе ленту, служащую потомъ прокладкою. Этотъ знакъ своей чистоты, называемый «красотою», невѣста так. обр. передаетъ Самому Богу. То, что обозначало раньше цѣломудріе, то, по нынѣшнимъ временамъ, стало обычаемъ. Обрядъ положенія ленты—эмблемы девической красоты и чистоты вызываетъ нынѣ сальныя улыбки и щипки. А между тѣмъ, раньше онъ вовсе не былъ такимъ дикимъ и страннымъ. Отдать, со стороны

дѣвушки, хотя бы и символически, самое дорогое, свою невинность, едва ли можетъ казаться смѣшнымъ.

Какъ только свадьба доѣдетъ до родительского дома, такъ начинается попойка, кончающаяся, по большей части, только на разсвѣтѣ. Никакихъ особыхъ обрядовъ при возвращеніи не соблюдаются, хотя сами молодые и должны, изъ благоразумія, стеречься задѣть обо что-либо головой—это не къ добру случается. Поэтому, они всегда заходятъ въ низенькія двери пермяцкихъ избушекъ, перегнувшись чуть не пополамъ.

Какъ только новобрачныхъ покормятъ и попоятъ бражкой, то сейчасъ же ведутъ ихъ спать въ голбецъ (въ подполье). Обрядъ укладыванія молодыхъ прость до нельзя. Открывается голбецъ, куда по малосенькой и зачастую чуть живой лѣсенкѣ спускаются въ предшествіи вѣжливца и свахъ съ шуточками и прибауточками, сначала молодые, а за ними и поѣздане. Разсмотрѣвъ слишкомъ незатѣйливо приготовленное ложе молодыхъ и вышивъ бражки, поѣздане уходятъ кверху, и въ голбѣ остаются только молодые съ вѣжливцемъ и свахами. Въ самомъ голбѣ ставится для молодыхъ столъ, покрытый скатертью, на немъ вино, брага, кружки и рыбный прогрѣ на закуску. Съ благословенія вѣжливца начинаетъ, при помощи жены, раздѣваться молодой, а затѣмъ свахи раздѣваютъ п молодушку и укладываютъ ихъ обоихъ въ постель. Преподавъ, затѣмъ, нѣсколько необходимыхъ наставленій какъ мужу, такъ и женѣ о подчиненіи и благоповеденіи, свахи и вѣжливецъ уходятъ кверху допирывать и закрываютъ за собою подполье. Съ момента появленія вѣжливца изъ подполья, свадебная попойка доходитъ до своего зенита. Пьють за всѣхъ и за все; пляшутъ такъ, что кажется: вотъ-вотъ провалится полъ, и единеніе молодыхъ будетъ нарушено. Тостамъ при выпивкѣ нѣть числа: пьють за каждого гостя отдельно, пьють за горе и удачу, даже за дѣла подпольные, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Раннимъ утромъ еще не вытрезвившіеся поѣздане начинаютъ будить молодыхъ. По выходѣ изъ спальни молодые отправляются въ баню почиститься, т. е. помыться. Поѣздане же во время мытья ихъ бываютъ о двери и стѣны ея разную глиняную посуду, разумѣется, уже никакуда не годную. По приходѣ изъ бани молодая даритъ свою свекровку ею самою вышитою и спицами рубашкою; рубаха эта, хотя и ночной, бываетъ роскошна. Сама же молодуха принимается за метеніе половъ въ избѣ. Гости шутятъ съ молодой и не даютъ ей мести, время отъ времени отбрасывая соръ назадъ и тѣмъ заставляя молодушку начинать свою работу съ знова. Понятно, что такое издѣвательство не проходитъ даромъ и поѣздане время отъ времени бросаютъ на полъ кой-какую мелочь. Кто хочетъ покуражиться больше, вѣрище—дольше, тотъ бросаетъ или монеты покрутище или почаде. По окончаніи метенія

половъ, свекровь, одѣтая въ рубашку (подарокъ молодушки) береть стаканчикъ или рюмку и съ нимъ пляшетъ, а гости въ это время вновь пьютъ и бываютъ нарочно для этого запасаемую и приносимую стеклянную и глиняную негодную посуду. Шутокъ и прибаутокъ въ эту пору не оберешься и «хорошей, молодой» дѣйствительно должно быть отъ нихъ тошно, но она, какъ и приметеніи пола, все должна выслушивать и переносить безропотно и встрѣчать всѣ выходки съ ласковой улыбкой, а всѣ свои работы выполнить безукоризненно. Пные шутники во время пляски, желая подчеркнуть торжество, возьмутъ да и плеснутъ на хорошую, бѣлую рубашку стаканъ краснаго или другого вина, да бросятъ въ тоже время двугривенный на полъ. При видѣ такой щедрости не обижаться, а благодарить надо.

Когда оканчивается пляска, поѣзжанъ зовутъ «къ столамъ». Столы—это самое главный моментъ во всей свадьбѣ. Столами, собственно говоря, называютъ послѣ-свадебный обѣдъ. Готовить его молодуха, при помощи свахъ, родни и всѣхъ пныхъ стряпухъ. Чѣмъ больше кушаний въ смыслѣ перемѣнъ, тѣмъ богаче свадьба. Одно только мясо можетъ быть подано неоднократно: изъ щей, просто вареное, вареное съ картошкой, такое же съ капустой, мясо жареное, мясо рубленое. А какое же разнообразіе можно устроить изъ пельнянъ—традиционнаго пермяцкаго кушанья. На свадьбѣ пьютъ рѣшительно всѣ, даже малые ребята; грудныхъ поять только теплой бражкой (тоже хмѣльной). Словомъ, столы устраиваются на славу, и за ними сидять иногда по полсутокъ, а смины блюда считаются десятками; браги, кумышки и пива истребляется столько, сколько только могутъ выпить поѣзжане. Второй день свадьбы—самый главный. Онъ называется большіе столы. У тѣхъ, кто побогаче, устраиваются и малые столы въ теченіе двухъ-трехъ дней. Разницы въ большихъ и малыхъ столахъ нѣть почти никакой; конечно въ послѣднихъ по меныше блюда и --только.

Приданое невѣсты всегда провѣряется свахами при отправленіи невѣсты въ церковь, въ присутствіи дружки съ жениховской стороны; провѣренное укладывается въ сундуки, выносится и передается дружкѣ, который и ёдетъ съ нимъ въ церковь, а оттуда, послѣ свадьбы, везетъ вещи къ молодымъ.

Такъ совершаются свадьба въ захолустныхъ селеніяхъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, что уже тронуты цивилизаціей, обряды нѣсколько измѣнились.

Попробуемъ дать возможно полную картину пермяцкой свадьбы.

Мать съ отцемъ, посовѣтовавшись между собой о женитьбѣ сына и, рѣшивъ, что женить его на такой-то—дѣло подходящее, прїѣзжаютъ сами или присылаютъ сваху къ родителямъ невѣсты. Тутъ снова начинаетъ происходить вышеописанная процедура отказа и расхваливаній. Вся разница заключается въ томъ, что послѣ распитія нѣсколькихъ рюмокъ водки родители и сваты бываютъ по рукамъ, а новонарѣченные выходятъ изъ-за стола, подходить къ

образамъ и молятся Богу. Прослышавшія про рукобитье дѣвушки-подруженьки приходятъ послѣ богомолья въ избу и, угостившись теплой бражкой, начинаютъ пѣть невѣстину, женихову и др., хотя и подъ руководствомъ вѣжливца, но уже ломанныя русскія пѣсни.

Во время пѣнія какъ родственники, такъ и присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, подтягиваютъ хору, не переставая угощаться. Какофонія получается полнѣйшая.

Вообще почти все, что въ тѣхъ или другихъ случаяхъ поется пермяками, такъ или иначе заимствовано отъ русскихъ; только то, что сохранилось на чисто пермяцкомъ языкѣ, можетъ быть, да и то только отчасти, признано за свое собственное, за чисто пермяцкое. Народнаго же пѣснетворчества, какъ оказывается по тщательнѣйшимъ разыскамъ (Роговъ, Шищенко и Дмитріевъ), слишкомъ мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ.

Какъ во время торжественнаго пѣнія пѣсней, такъ и послѣ, ширующіе угощаются на славу, кушая разные пироги (преимущественно рыбные). Только изрѣдка подъ слова пѣсни гости дарятъ деньгами то родителей невѣсты, то ее саму. Деньги эти моментально претворяются въ огненную воду, восполняя расходы хозяина. Подъ звуки пѣсенъ невѣста одариваетъ своего жениха, его родню и его присныхъ подарками, о которыхъ уговорились еще до рукобитья. Порядокъ отдараванья, какъ и всѣ прочія свадебныя обрядности отъ угощенія включительно, начинается со старшаго, т. е. со свекра и свекровки—ихъ въ большинствѣ случаевъ дарятъ самыми дорогими, деньгами. При самомъ разѣздѣ съ рукобитья невѣста даритъ и жениха. Съ слѣдующаго за рукобитьемъ дня невѣста, въ сопровожденіи «вытчицы» и «дѣвокъ», начинаясьѣздить по гостямъ. Въ поѣздахъ этихъ ее сопровождаютъ родственники ея и ея поѣзжане. Невѣстѣ подается, въ зависимости отъ ея благосостоянія, одна или пара или тройка лошадей, изукрашенныхъ лентами, бубенцами, колокольчиками и другими побрякушками. Погостиивъ у кого-либо, пріѣхавшіе, прежде чѣмъ уйти, поютъ пѣсню. Пѣсню эту сквозь слезы запѣваетъ вытчица, при чѣмъ не только поѣзжане и поѣзжанки, но и провожающіе со слезами поддерживаютъ ее. Пѣсню свою вытчица заводить не раньше, какъ встанетъ по серединѣ комнаты.

Стою я, молодешенька,
Среди столовой вашей горницы,
Среди пола дубового,
На блокатанномъ войлокѣ,
На сафьяновые башмачикѣ,
На бумажныя чувочки,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Ужъ я кваниюсь моводешенька

Ниже пояса шевковаго.
Ужъ кого же я ищу-смѣкаю,
Не могу высмѣкать,
Сквозь очи сквозь туманныя,
Сквозь слезы сквозь туманныя,
Сквозь слезы горячія.
Своего родимаго батюшку
И родимую свою матушку. И т. д.

Здесь вытчица начинает перебирать решительно всех присутствующихъ, называя ихъ по имени и отчеству. Невѣста и поѣзжане становятся въ кругъ, хозяева дома благословляют ихъ и они уѣзжаютъ. Когда поѣздъ, въ концѣ концевъ, подѣзжаетъ обратно къ дому, то прежде чѣмъ войти въ домъ, вытчица, еще сидя въ саняхъ, снова заводить пѣсню, которую съ очень нетрогательнымъ единствомъ подхватываютъ нагостившіеся и наугощавшиеся поѣзжане.

На встрѣчу выходить изъ дома сестра или близкая родственница невѣсты, выносить съ собой теплую брагу или водку и подчуяетъ ею невѣсту. Та низко, а чаще въ ноги, кланяется ей и принимается пить вынесенное ей штие. Покончивъ съ угощеніемъ, невѣста, за ней и всѣ поѣзжане входятъ въ домъ. Здесь съизнова начинается угощеніе всѣмъ тѣмъ, что за время отсутствія невѣсты изъ дома успѣли изготовить ея родители. Только что кончается угощеніе, какъ вытчица уже молится Богу, а затѣмъ начинаетъ новую пѣсню и поѣзжане, крестясь, вылѣзаютъ изъ-за стола, чтобы подтянуть и тѣмъ, посильнѣ, помочь ей. Во время пѣнія пѣсень никакихъ плясокъ не происходитъ.

Затѣмъ, всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣсть (во время пѣнія обыкновенно вновь садятся за столъ и, отъ устатка, времія отъ времени, потягиваютъ бражку) и вновь въ голось начиваютъ оплакивать невѣсту, а кромѣ того одариваютъ ее деньгами. Въ этомъ случаѣ пермяки крайне невзыскательны: самая мелкая монета принимается съ благодарностью. Тронутая общею любовью и сочувствіемъ окружающихъ, невѣста жалобно запѣваетъ.

Я стою моводешенька
На бѣвокатанномъ войочкѣ,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Своему любезному сватушкѣ
И сватьюшкѣ.
Поспѣшите дойти до меня,

До меня, моводешеньки,
Примите мои подарочки—
Не осудите любезные сватушки,
На мое одареныще—
Да на худое рукодѣйце,
У меня стойко свучивося.

Та же пѣсня поется невѣстой каждому изъ поѣзжанъ, причемъ невѣста дарить каждого посильнѣ и какъ при рукобиты было уговорено. Послѣ одариванія съ невѣстой остаются только ея подруги, которые и помогаютъ ей снаряжаться къ свадьбѣ, т. е. заниматься шитьемъ на невѣсту. Снаряженіе (по мѣстному: стнаряженѣ) продолжается, въ зависимости отъ богатства невѣсты, два-три дня, иногда недѣлю, а то и того больше. Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты съ утра вновь начинается самое отчаянное вытье: справляется такъ называемый дѣвишникъ. Раннимъ утромъ всѣ девушки посыпаются за водой, идя за ней, она поютъ.

Ужь вы, кумушки,
Вы, подруженьки,
Посъужите мнъ, човодешенькъ (невѣста идетъ съ ними же).
Отъ роду мнъ впервые,
Сегодня мнъ въ посвѣднѣе.
Вы возьмите ведра
На круты пвеча,
Идите вы по воду

На Дунай рѣчку быструю.
Ужь вы черпайте, мои кумушки,
По пути воды бѣгучей.
Принесите мнъ воду
И наварите щевоку.
Наварите щевоки слизкіе—
Хорошо мнъ умыватися,
Чисто стнаряжатися.

Вода приносится и ставится въ печь, а поѣзданки, поочередно, расчесываютъ волосы невѣсты; при этомъ какъ подруги, такъ и сама невѣста плачутъ и причитаютъ. Если у невѣсты нѣть отца или матери, то въ честь ихъ поютъ поминальные стихи; такъ напримѣръ:

Подымайтесь-ка, вѣтры буйные,
Со восточной сторонушки.
Вы слуйте же, вѣтры буйные,
Со сырой земли бѣвы снѣжки.
Развойся-ка, мать-сыра земля,
Расковися-ка гробова доска,
Распахнитесь, саваны бѣвые,
Съ моего (ей)-то родимаго (мой) батюшки (матушки),
Отопри-ка, родимый (ая) мой (моя)
батюшка (матушка),
Да свои очи ясныя.
Да проснись-ка, родимый (ая) ба-
тишка (матушка),
Да отъ сна, отъ вѣчнаго,
Отверзи уста свадкія.
Востань-ка, востань-ка,
Родимый (ая) мой (моя) батюшка
(матушка),

На свои рѣзвыя ноженьки.
Направь-ка, родимый (ая) батюшка
(матушка),
Сызоперья крыышка,
Полетай-ка родимый (ая) батюшка
(матушка)
На сине морюшко.
Ужъ ты смой-ко, родимый (ая) ба-
тишка (матушка),
Со бѣва лица ражавчину,
Съ ретива сердца червоточены.
Прилетай-ка, родимый (ая) батюшка
(матушка),
Да въ нашу горенку.
Благословѣйтъ меня, родимый (ая)
батюшка (матушка),
Навсегда, да на всякое времячко.

Изъ печи достается горячая вода и ею начинаютъ мыть полъ въ избѣ; на полъ обильно постилаютъ солому и уже на соломѣ начинаютъ плясать до сумерекъ, и снова приступаютъ къ вылью. Невѣсты изъ дѣвушекъ, да еще не порочныхъ, обязательно носятъ въ коѣ знакъ своего отличія отъ согрѣшившихъ до свадѣбы—ленту «красоту»; теперь ее носятъ всѣ дѣвушки, но раньше—

и еще совсемъ недавно—дѣло съ «красотой» обстояло иначе. Итакъ невѣсть съ красотой шѣлись тогда еще особыя пѣсни.

Сумерки сумеркаются
О красной дѣвушкѣ.
Цвѣтная красота
Бьется — убивается,
Около дѣвушки завивается.
Повно вамъ дѣвушки
Красоватся,
Пора времечку
Разставатся.
Ты возьми-ка, красна дѣвушка,

Во свою праву рученьку,
Свою русу косыньку.
Развяжи авую ленточку
Предъ Пресвятую икону
Божью Матерь.
Пусть она тутъ успокоится
И отъ всего прихранится,
Пока я буду умываться,
Хорошо стнаряжаться.

Дѣвушки идутъ топить баню, а когда истопятъ ее, то расплетаютъ невѣстину косу, садять ее за столъ и поютъ.

Ужъ не васточка—
Касаточка,
Она вьется-увивается
Оково матушки родимой.
Помоги-ка дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
Да души красной дѣвицы.

Развяжи-ка, родимая матушка,
Мои авая ленточки,
Расплети мою дѣвичью красоту.
И въ говубушку трубчату косу
Не подымаются мои рученьки бѣвыя,
На свою буйну гововушку.

Мать, если же ея нѣть у невѣсты, то сестра или другая близкая родственница, расплетаютъ косу, затѣмъ невѣста просить благословенія у своего отца, матери и своего семейства и только послѣ благословенія, вмѣстѣ съ дѣвушками направляется въ баню. Сопровождающія ее дѣвицы, пляшутъ, иные идутъ разряженными (замаскированными) и при этомъ всѣ поютъ пѣсни.

Наглядись-ка моя
Руса косынька,
Наглядись-ка авая ленточка,
Какъ на небо съ синя-говубое.
На батюшку на свѣтѣу—мѣсяцъ
И на частыя мевкія звѣздочки.
Наглядись-ка моя русая коса
На всѣ четыре сторонушки:

На поя—на широкія,
На вуга — на зеленые,
На всѣ дороженьки
И тропиночки.
Наглядись-ка моя руса коса
На лѣса дремучіе,
На рѣченьки быстрыя,
На всѣ уочки-переуочки.

Девушки подходят к бани, перед дверьми которой останавливаются, заводя новую песню.

Ужь вы, кумушки-подруженьки,
Вы истопивши мнъ банишку.
Нагрѣли-ли воды горячія?

Накипятиви-ли щевокя слизкіе?
Приготовиви-ли вѣтошки шевковыя,
Мыла-то канфарныя?

Въ баню, гдѣ какъ невѣста, такъ и подруги ея моются, причемъ не вѣстѣ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ париться; это очень дурная примѣта: «выйдетъ замужъ и ея мужъшибко парить (бить) станетъ». Баню для невѣсты топятъ подъ наблюденіемъ матери или кого-либо изъ родни. Дѣлается это для того, чтобы кто-нибудь изъ топящихъ баню не поколотилъ головушекъ: это самое ужасное обстоятельство для будущей жизни невѣсты и изъ-за такого недосмотра несчастная обрекатся на всю жизнь на битье супругомъ и его родней. По окончаніи мытья, вновь начинается вытье пѣсенъ.

Не спасибо вамъ, мои кумушки,
Не спасибо, подруженьки.
Не отмыли мои рученьки бѣвыя,
Не согрѣли мое тѣво бѣвое
Отъ вѣничка горячаго.
Не угадившись мое сердечико
Вашей этой тепвой банишкой.
Раскатись-ка наша банишка
На всѣ четыре сторонушки.
Становись-ка наша банишка
Частымъ ельничкомъ
Да березничкомъ,

Чтобы не пройти бы,
Да не проѣхати
Моимъ-то сопротивничкамъ
Съ чужой дальней сторонушки.
Раззорись-ка наша каменка
На всѣ четыре сторонушки,
Становись-ка наша каменка
Крутой горой, крѣпкой стѣной,
Не прошли бы, да не проѣхали
Мои-то сопротивнички
Съ чужой дальней сторонушки.

Выйдя изъ бани, невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны и, не плака, отправляется домой. Здѣсь, уже передъ самыми дверями, всѣ поѣзжане хоромъ начинаютъ вновь пѣніе съ всхлипываніемъ. Такъ какъ пѣсни пермяками поются во все горло, то пѣніе такое въ зимнее время, порой при сильномъ вѣтрѣ, да еще тотчасъ же послѣ бани, иногда влечетъ за собой гибельную простуду. Передъ дверьми дома поется пѣсня:

Не хотѣва, родимая матушка,
На мосту заморозити.
Прищава рѣзвыя ноженъки
Ко сафьяннымъ ко башмачикамъ.
Прищава бѣвы рученьки
Ко скобѣ ко желѣзнѣй.
Я иду, моводешенька,

Не по прежнему.
И ступаю не по старому.
Иду же и сберегаюся,
Не подвалились бы
Перекладинки.
Не подвомились бы
Мостовиненки.

Изъ избы выходить мать или сестра невѣсты и выносять ей пить (брагу). Невѣста входить въ домъ, гдѣ ей вновь—и уже въ послѣдній разъ въ этотъ день—заплетаютъ косу, причемъ «красота» въ нее уже не вплетается. Затѣмъ, садятся за столъ ужинать и, покончивъ съ нимъ, отправляютъ невѣсту спать, причемъ поютъ ей пѣсню: «Покорно благодарствую разлюбезному моему сватушкѣ». По окончаніи этой пѣсни всѣ присутствующіе отдаливаютъ невѣсту деньгами и плачутъ, приговаривая:

Я покорно благодарствую
Родимаго моего батюшку
И родимую мою матушку,
Васъ на грувну на зовотую,
На другую на серебряную.
Нашто же вы меня жавуете
Этой гривной зовотой.
Ужъ и этой гривной зовотой
Мнѣ не святые храмы строити,
Не святыя иконы смѣняти.
Есть Божіи храмы—построены,
Есть святыя иконы—смѣняны.
Не откупится будеть этой гривной
зовотой

Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки.
Не отдарится будеть гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки,
Не отдарится будеть гривной зовотой
Отъ чужаго чужъ-чуженина.
Откупишься ты, родимый батюшка,
Отъ чужой дальней сторонушки
Моей-то буйной гововушкой.
Отдаришься, родимая моя матушка,
Моей-то дѣвицѣй красотой
Чужому чужъ-чуженину.

И т. дал.

Однако же родня, не взирая на обрядовыя завыванія, вновь даритъ невѣсту деньгами и приносить ей шашмуру—знакъ завтрашняго замужества. Это—знакъ, съ которымъ вышедшая замужъ никогда не разстанется при жизни, отъ котораго не избавится и послѣ смерти, такъ какъ шамшуръ снимается только въ банѣ и надѣвается на голову женщины даже при ея погребеніи.

Я бы дѣвица возрадовалася,
Душа моя возвеселилася.

Я еще бы дѣвушкой остававася,
Да еще бы красовавася.

Много слезъ приходится пролить и невѣстѣ, и окружающимъ ея какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій день. Не успѣть зазариться востокъ, какъ въ домѣ невѣсты все приходитъ въ движеніе; вновь появляется угощеніе, вновь то заплется, то расплется невѣстина коса и, по прежнему, поются заунывныя, словно похоронныя, пѣсни, обильно, безъ всякаго сожалѣнія къ самимъ себѣ, приправляемыя слезами.

Ужъ ты, васточка-касаточка,
Она вьется-увивается,

Оково матушки родимой.
Вы могите ли дойти-доступить,

До меня, до моводешеньки,
До души красной дѣвицы,
До моей буйной говоушки,

До моей дѣвьей красоты,
Развязать авую ленточку,
Расплести мою дѣвью «красоту».

И т. дал.

Каждому, по очереди, подошедшему расплести косу, поется пѣсня, съ соответственнымъ измѣненіемъ въ титулованіи. И въ этотъ день, какъ и на канунѣ, всѣ перерасплетали косу, мать или иная близкая роственница (разъ невѣста сирота) выплетаетъ только на это время вплетаемую ленту «красоту», и съ этого момента невѣста уже никогда въ жизни не можетъ вплести ленту въ свои косы. Всѣ присутствующія женщины вновь обступаютъ невѣсту и вновь невѣстину коса, но уже безъ ленты, расплетается подъ звуки пѣсни.

Не спасибо вамъ, кумушки,
Не спасибо, мои подруженъки,
Обмануви меня, моводешеньку,
Посадили за стону дубовенькій.
Посмотри-ка, родимая матушка—
Развязали мои авыя ленточки,
Расплели мою русую косу.
Растрапавли мою буйную говоушку.
Нѣть, не жавѣть меня мамонъка,

Не выводить изъ-за стона дубаваго,
Не плететь мнѣ русу косыньку.
Не завяжеть мнѣ авую ленточку;
Ужъ будетъ, видно, мнѣ красоватися,
Пора мнѣ разставитися
Со своей дѣвьей красотой разставатися.
Ну, что такое свучивося.
Куда дѣвать мнѣ свою «красоту»?
И т. дал.

Когда решительно всѣ кумушки-подруженъки перебраны, пѣсня продолжается такъ:

Вотъ пошва тошно моя «красота»
Отъ меня—моводешеньки
По стону по дубовенькому;
Среди пова остановивася,
Низко всѣмъ поклонивася...
Вотъ пошва моя «красота»
Съ душой красной дѣвицей,
И пошва—до дверей дошва;
И пошва по новымъ сѣнямъ,
По крылечкамъ, по навѣсикамъ.
Вотъ и пошва наша «красота»
И до саней дошва,
Въ саночки садивася,
Во Божью церковь кативася.
Пріѣзжаетъ къ Божьему храму—

Туть она остановивася,
Красной дѣвицѣ поклонивася.
Ты прощай, прощай, моя дѣвица;
Ужъ не довго красоватися,
Пора-времячко разставатися.
Вотъ заходить они
Во Божью церковь.
Среди церкви становятся,
Во сваву своей церкви (курсивъ мой)
Богу молятся.
Свѣчи ярко зажигаются,
Попы, дьяконы одѣваются;
Двери царскія растворяются;
Книги евангелья открываются...
Вотъ пошва тошно наша «красота»

Прочь отъ красной девушки
Во святую книгу-евангелья.
Тутъ она остановившися,
Низко девушкѣ поклонивася.
Ты прощай-прощай, красная девица,
Хорошо мы съ тобой красовалися.

Ужъ и гдѣ мы съ тобой увидимся,
Гдѣ встрѣчу мы совстрѣтимся.
И во снѣ мы не увидимся.
Только разъ еще увидимся—
Во христовъ день во заутреню.

По окончаніи пѣсни, всѣ встаютъ и молятся Богу, а невѣста, помолясь, просить у своихъ родныхъ благословенія. Получивъ его отъ родителей, она просить его отъ домашнихъ и отъ другихъ родственниковъ, послѣ чего, поддерживаемая подружenkами-кумушками и всѣми собравшимися на свадьбу, запѣваетъ.

Я стою моводешенька
Среди пова дубоваго
На бѣлокатанномъ на войокѣ
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Ниже пояса шевковаго
Своему родимому батюшкѣ.
Не прошу я у васъ, родимый батюшка,
Не звата, ни серебра,
Ни скатнаго жемчуга.

Прошу я у васъ,
Родимый батюшка,
Благословенница великаго.
Хорошо-чисто мнѣ умыватися,
Хорошо стнаряжатися,
Во Божью церковьѣхати,
Законъ божій приняти
Со чужимъ, со чужениномъ,
Чудной крестъ цѣловати.

Тотъ же стихъ поется матери, братьямъ, сестрамъ, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ именахъ. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту словами: Богъ благословить». Послѣ этого въ избѣ, гдѣ часть ея около печи забрана тесомъ или занавѣсью (закутью), невѣста уходитъ за перегородку, а гдѣ таковыхъ нѣть, то спускается вмѣстѣ съ подругами въ голбецъ и уносить съ собой мыло и воду. За перегородкой женщины умываютъ невѣсту и снаряжаютъ ее. При одѣваніи прежде всего «лычикомъ» крѣпко-на крѣпко вяжутъ невѣстино бѣлое тѣло, а ужъ сверхъ его надѣваютъ рубаху, въ которую кладутъ шерсть и ленъ, чтобы они водились въ новомъ дому. Совсѣмъ снаряженная къ вѣнцу невѣста выходитъ изъ-за перегородки, усердно молится Богу, вставъ— обязательно—по серединѣ горницы на бѣлокатанномъ войлокѣ.

За кого же я Богу молюсь?
За кого же я поклонъ повожу?
За царя благовѣрнаго,
За царичу усердную.
За кого Богу помолюсь?
За кого поклонъ повожу?

Я за батюшку родимаго
И за матушку родимую.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же поклонъ повожу?
За братчика родимаго,

За невѣстку—свою говубушку.
За кого же я еще Богу помолюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За чужого отца-батюшку,
За чужую свекровь-матушку.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же еще поквонъ повожу?
За чужихъ-то деверей-братчиковъ,

За чужихъ золовокъ-сестричекъ.
За кого же еще Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Да за чужаго чужъ-чуженина,
За свою буйную гововушку.
Создай намъ, Боже и Господи,
Даръ здоровья намъ крѣпкаго,
Ума-разума хорошаго.

Свашить со стороны невѣсты, обыкновенно, крестная мать, а потому, какъ только она входитъ, освѣдомляясь предварительно, можно или нѣтъ ей войти, т. е. кончилось ли вытье, ее встрѣчаетъ невѣста пѣніемъ слѣдующей пѣсни. Пѣсню эту невѣста поетъ одна.

Воспріемная крестная матушка,
Ты зачѣмъ поздно прїхава,
Когда я уже засватана
И совсѣмъ къ вѣнцу приготовленная.
Ты тогда бы прїхава,
Когда я быва не сосватанная.
Сѣва бы межъ родимаго батюшки
И межъ родимую мою матушку,
Разговорива бы ихъ о моей-то выдачѣ.

Я бы еще дѣвушкой-то оставася,
Весну красную красовавася.
Расскажи-ка, моя крестьянская,
Про чужую дальнюю сторонушку,
Про чужаго отца-батюшку,
Про чужую свекровь-матушку,
Про чужаго деверя-брата,
Про чужаго чужъ-чуженина.

Крестная маменька или сваха тотчасъ же подхватываетъ эту пѣсню и сердитымъ голосомъ поеть ея окончаніе:

Расскажу я тебѣ, моя крестница,
Про чужую дальнюю сторонушку:
«Ровно зимонька студеная».
Какъ чужой-то свекоръ-батюшка—
«Въ поѣ ровно лютой звѣрь».
Какъ чужая-то свекровь-матушка—
«Ровно звая мѣдвѣдича».

Какъ чужие-то деверья-братчики,
«Какъ черные собои».
Какъ чужая чужъ-чуженина—
«Великая зазнобушка,
Безъ морозу тебя вызнобить
И безъ вѣтру тебя высушить».

Невѣста, за частую совершенно не знающая своего чужъ-чуженина, по понятнымъ причинамъ, не только плачетъ, а рыдаетъ или, какъ говорятъ пермяки: говосомъ воеть. Вытчица, подружки, да и вся родня, словно спохватившись, ревутъ, какъ только кто можетъ. Картина получается действительно потрясающая. Даже со стороны смотрѣть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самаго желаннаго, самаго дорогого дѣтища совершаются

на вашихъ глазахъ. Такъ въ слезахъ и уже безъ всякихъ пѣсень ожидаетъ невѣста и поѣздане пріѣзда жениха. Время тянется мучительно долго, но, вотъ вдали замѣчается надвигающейся поѣздъ жениха—зимой на вѣсколькихъ парахъ или тройкахъ, лѣтомъ верхами; тогда всѣ сразу встряхиваются и заводятъ пѣсню:

Выѣзываютъ кони вороные
Со чужой дальней сторонушки.
Мои ъдуть сопротивнички.
Не могъ ты, родимый батюшка,
Загородить тыномъ нелѣзнымъ
Меня, моводешеньку.
Не могъ запереть за замки крѣпкие.
Налетять черны вороны,
Подхватятъ меня бѣвую лебедушку
За сиво-перыя крывышки;

Утащать меня, моводешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку.
Я не буду у васъ свуга вѣрная.
Догадайтесь, родимый батюшка,
Какъ торговаться моей буйной гововушкой.
Торговався бы, родимый батюшка,
Торговавъ бы ты, родимой,
Быками-то рогатыми,
А не мною, моводешенькой,
Не моей буйной гововушкой.

Какъ только женихъ подѣзжаетъ къ окнамъ, пѣсня, даже и не оконченная, прерывается, а съ нею вмѣстѣ прекращается и плачь. Вѣжливецъ жениха, такъ называемый первый шаферъ, слѣзаетъ съ лошади или выходитъ изъ саней и говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Дома ли хозяинъ?» На что домохозяинъ (—заяка) отвѣчаетъ ему черезъ окно въ избѣ:— «дома». Тогда колдунъ спрашиваетъ: «было ли сватовство; было ли просватанье; было ли обрученье?» Ему отвѣчаетъ: «Было». Тогда спрашивающій говорить: «нашъ князь просится въ вашъ дворъ вѣзжать съ подруженьками, со сватеньками. Какъ будете встрѣтать или самимъ вѣзжать?»— «Ну, хорошо, отвѣчаютъ избы въ окно, встрѣтать выйдемъ; сами встрѣтать будемъ». Затѣмъ, колдунъ или первый шаферъ подробно и обстоятельно устанавливается о томъ, чтобы сѣна лошадямъ было дадено до колѣна, а овса до щетки и, уже послѣ этихъ уговоровъ, командуетъ: «о томъ бьемся, о томъ кванияемся, нѣть ли у васъ звыхъ собакъ; нѣту ли у васъ звыхъ свиней. Звыхъ собакъ по цѣпямъ; звыхъ свиней по хлѣвамъ; старыхъ старухъ по поватямъ!» Ворота отпираетъ или братъ невѣсты или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Отпирая ворота съ низкими поклонами, онъ успѣваетъ однакоже выговорить себѣ немнogo-не-мало, какъ-то, чтобы его напоили до-пьяна. Послѣ угощенія братца, поѣздане вѣзжаютъ во дворъ. Вѣжливецъ береть въ руку свѣчу, хлѣбъ, рыбный широгъ, лагунъ съ пивомъ и входить въ избу, а поѣздъ остается во дворѣ. Входя въ избу, вѣжливецъ кладеть передъ иконами поклоны и приговариваетъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ! — «Аминь. Ваша молитва», отвѣчаетъ ему вытчица.— «Мы прибыли со всѣмъ повкомъ-поѣздомъ,

жива ли у насъ наша княгиня? — «Жива и здрава», отвѣчаютъ ему. — «Вы меня-мнѣ не отвѣчаете, что ждави», говорить вѣжливецъ и проходить за занавѣсъ, гдѣ сидитъ невѣста и тамъ продолжаетъ свой разговоръ. «Примите моя гостинчики со чужой, дальней сторонушки». Гости невѣсты и сама она въ отвѣтъ на это поютъ.

Не приму ваши гостинчики
Со чужой, дальней сторонушки
Безъ родимаго отца-батюшки,

Безъ родимой моей матушки,
Безъ братчика родимаго,
Безъ невѣстки говубушки.

На эту пѣсню за занавѣсъ приходить отецъ и мать и благословляютъ невѣсту, а вѣжливецъ, обращаясь къ отцу и матери, спрашиваетъ: «смѣть ширнуть, пырнуть; наша невѣста укуклилась ли (укуклилась ли, т. е. нарядилась ли, какъ куколка)? подойти къ ней, княгинѣ нашей на куньихъ вапочкахъ, принести къ ней подарокъ черянянь (рыбный пирогъ) отъ нашего князя». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ на это: «ширните, пырните, во дворъ вырните: наша невѣста укуклилась». Послѣ этого невѣста беретъ изъ рукъ вѣжливца подарки, подымаетъ ихъ на свою «буйную гововушку», а затѣмъ и откусываетъ что-нибудь обыкновенно отъ челпана, символизирующаго довольство. Люди зажиточные приносятъ не по одному, а по нѣсколько штукъ, и тогда невѣстѣ приходится знакомиться съ вкусомъ каждого изъ нихъ. Послѣ принятія подарковъ въ избу входятъ всѣ поѣзжане и вошедшаго жениха усаживаютъ въ передній уголъ на невѣстину подушку. Сваха принимаетъ отъ жениха привезенные имъ подарки: шаль, ботинки, а иной разъ и сарафанъ и уходитъ съ ними за занавѣсъ къ невѣстѣ; подружки тотчасъ же запѣваютъ.

Свашенька-разсвашенька,
Зачѣмъ скоро подскочива
Безъ спроса родимаго батюшки,
И родимой матушки?
Не приму я ваше цвѣтино пватыще
Безъ родимаго батюшки,
Родимой моей матушки.

Вы могите дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
До моей буйной гововушки.
Благословяйте меня, моводешеньки
Хорошо мнѣ стнаряжатися
Мнѣ въ Божью церковь ѿхати,
Законъ Божій приняти.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. На невѣсту надѣваютъ шаль, на ноги ботинки и послѣ этого объявляютъ жениху: «невѣста готова!» Какъ только послѣдовало это объявление, встаетъ вѣжливецъ и говоритъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Моводой князь сидитъ за столомъ дубовенъкимъ, за стовешенкой кедровою, за скатертю штой-браною, за пильами за бражными, за явствами за свадкими; кланяется низко своему боярину со боярушкой: нельзя ли вывести ему княгиню вашу за бѣвны ручки, за бумажный

шваточекъ. Время али не время выводить. Говорять, что время? Песнь этого запроса одинъ изъ братьевъ или близкихъ родственниковъ отправляется за занавѣсь и поетъ.

Я не выйду и не выступлю
Изъ кути-занавѣса
Безъ родимаго батюшки,
Безъ родимой моей матушки.
Благословъяйте меня моводешеньку

Ми въ Божью церковь хати
За чужъ-чужимъ чужениномъ,
Ми законъ Божій приняти,
Чудный крестъ цѣвовати:
Благословъяйте меня всѣ крещеные!

Невѣсту выводятъ на середину избы, гдѣ она начинаетъ молиться, отвѣшивая три поясныхъ и три же земныхъ поклона и кланяется на всѣ четыре стороны, затѣмъ, отвѣшиваетъ особый поклонъ жениху. Когда она сидѣть, за столъ ставятъ ей стаканъ водки, брагу. Въ рукахъ жениха и невѣсты вновь появляется платокъ, что былъ при рукобитїи. Сваха подносить невѣстѣ опояску, и та лично опоясываетъ ею жениха, который и отдаиваетъ свою ласковую каягинюшку деньгами. Поѣзжане, по приглашенію вѣжливца, присаживаются къ столу и, наконецъ, отправляются въ церковь.

Вторая свадьба, описанная мною, происходила въ мѣстахъ обруѣлыхъ. Рѣдко что измѣняется въ ней. При укладываніи молодыхъ въ голбѣ такъ же присутствуютъ сваха и вѣжливецъ; также въ присутствіи ихъ происходитъ раздѣваніе молодыхъ, причемъ укладывая ихъ въ постель, вѣжливецъ говоритъ: «стану, я рабъ божій, благословясь, выйду изъ дверей въ двери на красное совышико, подъ бѣвый мѣсяцъ, подъ части мевки звѣзды. Пройду въ лѣсъ, во темномъ лѣсу избушка, тутъ есть Мать Присущая; подойду поближе, поклонюсь понижая. Я хочу (такихъ-то) присущить, праву ручку поцѣвую, очемъ и прошу». Тутъ, закрывая молодыхъ одѣяломъ, доканчиваетъ: «Аминь и уходить».

Иногда на другой день свадьбы всѣ поѣзжане раннимъ утромъ отправляются къ рѣчкѣ мыться, вооружившись, кто чѣмъ смогъ: помеломъ, заслонкой, ведрами и т. п., причемъ вся эта ватага идетъ на рѣчку съ шутками-прибаутками и звономъ въ свои инструменты. Придя на рѣчку, молодая бросаетъ—богатая мелкую монету, а бѣдная шерстинку изъ опояски: это она задариваетъ водяного, чтобы онъ къ ней былъ добрымъ. При умываніи происходятъ комичныя картишки. Только кто-нибудь вымылся, глядь—ему вымазали все лицо сажей или грязью. Шутки эти нравятся не каждому. Свадьбы устраиваются родителями, а сама молодежь не при чемъ. Иной парень работаетъ гдѣ-нибудь на заводѣ всю зиму, прѣѣзжаетъ домой, а ему тутъ и объявлять: черезъ недѣлю вѣнчать будемъ; въ такой-то волости, такую-то дѣвку выставили. Лѣтомъ, самъ знаешь, работы въ волю, матери одной не управиться

будет; чѣмъ строшную (работницу) держать, лучше стряпку въ домъ взять. Жена называется «стряпкой», а мужъ « работникомъ». Взять на себя работника значить — выйти замужъ. За частую ни женихъ, ни невѣста другъ-друга и въ глаза не видали. Пріѣдетъ женихъ и видитъ — уродъ его невѣста. Перетерпѣть до свадьбы, зато потомъ.... тяжелое житѣе и отъ мужа, и отъ всѣхъ нелюбимой бабѣ! Не лучше бываетъ и тогда, когда женихъ не нравится невѣстѣ. Вѣроятно поэтому-то, такъ часто замѣчается полная отчужденность между супругами-пермяками. Они точно стыдятся сказать другъ другу ласковое слово не только при людяхъ, но даже и съ глазу на глазъ. Чаще всего супруги даже не называютъ себя по имени, а какой-либо кличкой и, притомъ, далеко не поэтичной. Вотъ подѣхалъ къ дому пермякъ; ему лѣнь самому отворить ворота и онъ во всю мочь кричитъ: «Кага, каа-га»! (ворона, ворона). Зато собственныхъ имень не знаютъ. Въ воинскихъ присутствіяхъ часто приходится наблюдать слѣдующее.—«Какъ зовутъ жену? Сколько ребятъ? спрашиваютъ тамъ.—«Не знаю, сейчасъ спрошу у сосѣда», отвѣчаетъ вопрошаемый. Когда его вновь съ удивленіемъ спрашиваютъ: «да неужели жесосѣдъ лучше тебя знаетъ имена твоей семьи». Тогда пермякъ съ убѣженіемъ въ голосѣ, какъ о какой-то непреложной истинѣ, говоритъ: «какъ же, въ сусѣдскомъ дѣвѣ какъ не вучше знать».

Кромѣ упомянутыхъ свадебъ, бываютъ еще свадьбы «убѣгомъ». Собственно говоря это фокусъ — никакого убѣга не происходитъ, а просто разъ люди слишкомъ бѣдны, и столы имъ не по карману, они вѣнчаются въ тихомолку и тѣмъ избѣгаютъ расходовъ. Случается иногда, что всѣ расчеты относительно богатой невѣсты распадаются прахомъ по совершенно не зависящимъ отъ сторонъ обстоятельствамъ; напр., только что выѣхали со двора, а навстрѣчу попалась собака, приходится сватовщику возвращаться домой и сообщить домашнимъ: «не добрая встрѣча — собака попалась, не пойду сватать, такая же злая сноха будетъ, не надо ее». Зато попадись навстрѣчу свинья — лучшаго и желать не надо.

Жизнь молодыхъ въ первый годъ идетъ обыденнымъ порядкомъ и въ ней только и выдаются то, что въ первый годъ ни молодой, ни молодушка не говѣютъ и не ходятъ ни къ кому на похороны. Въ сборное воскресеніе всѣ молодушки пріѣзжаютъ въ церковь и здѣсь встречаются съ своими подружenkами. Послѣ обѣдни всѣ онѣ выходятъ на паперть, тутъ повѣствуютъ о своихъ горяхъ и злоключеніяхъ и при этомъ, конечно, ревутъ. Пермяки говорятъ про нихъ: поѣхава «сковородники» продавать (губы при плаче слегка отвисаютъ).

Церковь пермяки посѣщаютъ неохотно; но стоитъ кому-нибудь заболѣть или слегка прихворнуть, и они, боясь смерти безъ покаянія, шлютъ за попомъ. Встрѣтить мужика или бабу, соборованныхъ пять-шесть разъ, вовсе неудивительно; скорѣе трудно найти пожилого человѣка еще ви разу не соборованаго.

Трудно больного кладутъ подъ образа и еще живого начидаютъ оплакивать. Пока скончавшагося обмываютъ бабы, мужики, родственники умершаго сколачиваютъ гробъ—самый грубый и по формѣ и по исполненію. Всѣ стружки и щепки, остающіеся отъ гроба, кладутъ въ него же. Одѣтаго въ чистое бѣлье покойника укладываютъ въ гробъ, закрываютъ плотно крышкой и стелютъ на нее кусокъ новаго холста. Затѣмъ гробъ выносится изъ избы и ставится на дровни, по возможности нигдѣ негодныя. Гробъ ставится на дровни во всякое время года, т. е. въ лѣтомъ. Плотно привязавъ гробъ, чтобы онъ не упалъ, жена, мать и другіе родственники садятся на крышку гроба, захвативъ съ собой чепанъ и предварительно обернувъ его пояскомъ, какой носится у лаптей. Верхомъ на лошаденку залѣзаетъ возница и поѣздъ съ едва-едва остывшимъ покойникомъ тихо трогается въ село. Первому, кто попадается на встрѣчу, бросается взятый изъ дома чепанъ—«на поминъ души». Бѣда тому, кто, по незнанію этого обычая, не приметъ хлѣбъ. Такимъ пренебреженіемъ онъ тяжко оскорбляетъ душу умершаго и за такое оскорблѣніе иногда можетъ чувствительно поплатиться боками и во всякомъ случаѣ выслушать немало ругани. Бабы во всю дорогу навзрыдъ плачутъ и причитаютъ по умершему. Иногда и здѣсь, для большаго парада, приглашается вытчица. Вотъ нѣсколько образчиковъ завыванія по умершимъ.

Подымитесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Раздуньте-ка, вѣтры буйные,
Со гвубокой-то со могивушки
Мать сыру-землю.
Развойся ты, сыра-земля,
Развавись гробова доска
У моей-то родной матушки,
Распахнитесь, саваны бѣвые.
Ты востань-ко, востань,

Родимая моя матушка.
Отвори-ко очи ясныя,
Посмотри-ко на меня, моводешеньку,
Признай-ка меня, твоего дитятку,
Отверзи-ко уста свадкія,
Поговори-ка со мной рѣчь понятную.
Ты уважь мое сердечико,
Разспроси у меня моводешеньки
Про мое житье-бытье спротскное.
И т. дал.

Надъ усопшимъ ребенкомъ причитаютъ такъ.

Дитя мое, мивое,
Дитя мое сердечное,
Бѣвое лебедушка,
Ясень ты мой соколичекъ.
Куда ты взъетѣль
Мой соколичекъ.
Во вѣчныя твои свояси.

Оставляешь меня сиротой
Вѣчно о тебѣ горевать.
Оставай ты мнѣ на память
Твой хороший образъ
Ангелскаго лица,
Не могу я твой икъ заа-а-абымыть.

Провожая свекра, причитаютъ такъ.

Богдарный ты мой батюшка,
Не во пору, не во времьячко
Оставъявъ насть моводыхъ.
Какъ мы будемъ дома правити?
Кто нась будеть будить

По утру ранешенько?
Кто насть будеть работу сказывать?
Твой сынъ моводенекъ,
Я сама зевененька —
Остаюсь съ мавыми дѣткаа-аашини.

Надъ свекровкой поютъ слѣдующую характерную и полную житейского смысла и мудрости пѣсню. Въ этой пѣснѣ - причитаніи свекровкѣ, женщинѣ — какъ вездѣ — суровой, воздается должное за то, чѣмъ она дѣйствительно не могла не быть полезной своимъ невѣсткамъ.

Богдарная моя матушка,
Веикая моя надѣюшка!
Не во пору, не во времьячко
Подвомивись твои рѣзвыя ноженьки,
Повавивась твоя буйная говоушка,
Одаи твои бѣвыя рученьки
И не будуть мнѣ помогати.
И пойду я на лѣтию работу,
Оставью я своихъ мавыхъ дѣточекъ
Съ чужой-то свугой и замѣнушкой.

Не по моему дѣво дѣваютъ.
Возмутиться мое серче ретивое
И вспомниться bogдарная
Моя матушка.
При веикой моей заботушкѣ
Прійдемъ съ поя по вечеру позднеинко,
Повстрѣчаешь ты насть, наша матушка,
И все дѣо твое исправленное
Да и про нась ужинъ приготовлее-е-
сеній.

Интересны причины плача у работницы.

На кого ты меня оставива,
Ученица моя (учительница-настави-
тельница)!
Кто мнѣ дѣво прикажеть,
Ученица моя!
Ужъ и тыжъ меня любива,

Ученица моя!
И любива ты и бива,
Ученица моя!
Наставъя на умъ-разумъ ты менѧ,
Ученица мооо-о-ояя!

Привезенного въ село покойника, первоначально оставляютъ на улицѣ, неподалеку отъ церкви; кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ къ отцу-батюшкѣ духовному и просить его прійти и отпѣсть, причемъ вручаетъ ему плату, сообразную съ желаніями семьи, т. е. за простой отпѣвъ, или за отпѣвъ со звономъ при внесеніи въ церковь, или же за отпѣвъ съ полнымъ звономъ, т. е. со звономъ какъ при вносѣ, такъ и при выносѣ изъ церкви. Батюшка и члены причта въ облаченіи выходятъ къ поѣзду. Родня снимаетъ гробъ съ дровень, а если это не подъ силу, то прямо на дровняхъ, по совершенніи краткой литіи, везеть покойника къ церковной паперти и оттуда вносить въ церковь. По отпѣвѣ покойника, подъ колокольный перезвонъ и въ сопровож-

денії духовенства (а при неуплатѣ ему дохода, безъ всего этого) гробъ выносить изъ церкви на кладбище. Могилы копаютъ весьма неглубокія. Какъ только покойника выносятъ изъ церкви, причитанія возобновляются и наиболѣе сильно раздаются при опусканіи его въ могилу. Какъ только покойникъ закопанъ, слезы прекращаются и поѣзжане уѣзжаютъ домой помянуть покойника. Торопатся пермяки съ погребеніемъ изъ-за боязни покойника. По вѣрованію ихъ, душа покойника гуляетъ по свѣту гораздо дольше, чѣмъ самъ онъ. Эта душа во всякое время «по звобѣ» можетъ напугать и причинить много зла еще не покинувшимъ юдоль скорби обывателямъ. Она, т. е. душа, всегда однакоже старается быть поближе къ своему тѣлу и, къ тому же, она еще безглаза—придти ей отъ трупа назадъ, поэтому, гораздо труднѣе, чѣмъ тогда, когда трупъ по близости. Вотъ и рекомендуется, какъ самое лучшее средство, для тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятностей, поскорѣе рас проститься съ тѣломъ покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохраненія заставляетъ пермяковъ продѣлывать разныя странности. Чтобы душа, по безглазости, не приняла дровни за тѣло и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляютъ дровни на кладбищѣ. Эти дровни или закапываются на половину въ могилу или просто оставляются на кладбищѣ. Однако же, въ послѣднемъ случаѣ, чтобы покойникъ (вѣдь онъ могъ быть и колдунъ) не вернулся обратно, а колдуны могутъ не только вставать изъ могиль, но и совершать довольно-таки отдаленные прогулки, вывертываютъ оглобли и самыя дровни перевертываютъ вверхъ копыльями (полозьями), причемъ правило или носокъ дровней долженъ быть не по направлению дома, а отъ дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылѣзти изъ могилы, онъ, если даже и сможетъ вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) изъ могилы дровни, во первыхъ, по безглазости своей души, если и поѣдетъ, такъ не въ сторону семейниковъ, а въ противоположную, не найдетъ ихъ и, убѣдившись въ своемъ безсиліи, возвратится обратно; во вторыхъ, на означенные работы покойникъ положить такъ много времени, что до пѣтуховъ ему будетъ не доѣхать. Эта же болѣзнь—страхъ передъ умершимъ заставляетъ пермяковъ чтить и всячески ублажать память «миваго упокойничка». Какъ убѣждены пермяки, покойники могутъ, и не оставляя могилы, входить въ соглашеніе съ добрыми и злыми духами и, при посредствѣ ихъ, устроить какую-либо каверзу или упросить кого слѣдуетъ напомнить о своемъ загробномъ существованіи посредствомъ какой-нибудь болѣзни или несчастія по домашнему обиходу. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ пермяковъ заказывать, сверхъ обыденныхъ поминокъ, сорокоустъ (стоимостью отъ 15 до 20 р.). Кромѣ того и мужики, а ужъ особенно бабы зорко слѣдятъ за поминальными днями, и въ эти дни ни въ какомъ случаѣ не забудутъ послать

въ церковь свои поминальники. Поминая усопшаго (цѣна за поминанье на общей панихидѣ 3 — 5 коп., на обѣднѣ 15 — 20 коп.), въ церковь несутъ кто ширгъ, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлѣбъ или паренку (пареная рѣпа). Все принесенное кладется въ церкви передъ какимъ-нибудь особо чтимымъ образомъ. Но какъ принесеніе, такъ и положеніе явствъ является дѣломъ не такъ простымъ, какъ кажется. Поминальщики прѣезжаютъ или приходятъ иной разъ верстъ за двадцать, а то и дальше, да еще порой въ трескучій морозъ. Между тѣмъ, на прямой ихъ обязанности лежитъ принести явства горячими. Часто приходится наблюдать, какъ пришедшая зимой баба начинаетъ снимать съ себя сначала одну шубу, а потомъ другую; разстегиваетъ сарафанъ и изъ-за пазухи вытаскиваетъ толстѣйшій платокъ, въ которомъ въ многочисленныхъ тряпцахъ находится завернутая снѣдь. Иная двѣ-три шали не пожалѣть, чтобы донести все какъ слѣдуетъ, т. е. горячимъ. Прежде чѣмъ положить принесенное на столъ, помѣщающійся у чтимыхъ образовъ, необходимо ширгъ или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупивъ, надломить его. При такого рода разламываніи зимой виденъ, даже на глазъ, паръ. Этотъ-то паръ и суть всего дѣла въ обрядѣ поминовенія. Сама снѣдь, во время литургіи (при большомъ выходѣ) или будетъ взята и съѣдена приносящими, или возьмется для той же надобности трапезникомъ (церковнымъ сторожемъ). Паръ же, идущій отъ принесенного, къ тому времени весь улетучится, и имъ-то и полакомится душа умершаго. Поминаемая душа, вѣрить пермякъ, всегда присутствуетъ тамъ, гдѣ ее поминаютъ, она только не видима для глазъ. Такъ какъ душа пермяка и всякаго другого есть паръ, то, исходя изъ этого основного начала, нельзя не придти къ заключенію, что паръ не представляетъ ничего иного, кроме пара, и быть не можетъ. Вотъ гдѣ кроется весь смыслъ поминанія покойниковъ горячею ъдою. Пермяцкая душа, какъ и наша, въ теченіи 40 день не можетъ выбраться съ этого свѣта на тотъ: она все это время витаетъ по близости дома. Чтобы она не взошла въ домъ въ это время, пермяки нанимаютъ кого-нибудь изъ грамотной нищѣй братіи читать псалтирь. Въ 40 дней устраивается общій для всѣхъ родственниковъ поминальный обѣдъ, а по окончаніи его всѣ расходятся, выпуская прежде всего въ выходныя двери кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ: послѣ умершаго мужчины — мужчину; послѣ умершей женщины — женщину. По убѣждѣнію пермяковъ, съ выходомъ этого лица выходить изъ дома, если только какъ-нибудь успѣла забраться, и душа умершаго. Ее провожаютъ точно также, какъ и покойника, съ причитаніями.

Пермякъ немало озабоченъ тѣмъ, какъ можно вылечиться отъ хворости безъ травъ и снадобій, — отъ тѣхъ болѣзней, что приключились еглазу. Для

того чтобы не хворать ни самому, ни ребенку слѣдуетъ не показываться черному-черемному (черному, красному, рыжему): это самый не надежный народъ. Впрочемъ, и противъ нихъ есть радикальнѣйшее средство: посыпте на свою голову или на голову ребенка соли или попросите обрызгнуть съ уголька такъ, чтобы вы или ваше дитя испугались. Только эти средства и спасаютъ отъ сглаза. Сыпать соль слѣдуетъ не только при встрѣчѣ съ помянутыми и явно неблагонадежными лицами, но и тогда, когда вообще боитесь сглазу. Захватили вашего жеребенка, позавидовали вашей кости, силѣ или здоровству и вы боитесь лишиться этихъ качествъ—самое лучшее немедленно посыпать голову солью. Когда, несмотря на мѣры предохранительныя, заболѣваютъ дѣти (ребята вообще легче всего поддаются урокамъ), прежде всего и, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ обратиться къ доктору, слѣдуетъ заговорить дитя. И что болѣе остается дѣлать пермяку въ такихъ случаяхъ? Доктора, даже фельдшера, прігласить нельзя—средствъ нѣть, да и дорогъ нѣть или онъ дальня. Бываетъ и такъ: пріѣдетъ докторъ, пропишетъ лѣкарство; за нимъ надо долгоѣздить, а пріѣдешь въ больницу—его въ ней нѣть. Заклинатели—тѣ же вѣжливцы дѣйствуютъ по-просту. Вотъ обращикъ такого заговора. «Пресвятая Богородица, будь Ты къ намъ на помощь, на способъ раба (имя рекъ) отъ урока, переповока, отъ скородумныхъ и передумныхъ; отъ дѣвки довгововоски; отъ бабы кручнововоски; отъ мужика стригововоска; отъ всякаго человѣка: отъ темнокроваго, отъ краснокроваго, отъ смутнаго, отъ развутнаго и т. д. Утренняя заря—Дѣва Марія, вечерняя заря—Маремьяна, прійдите Вы къ намъ, въ нашу пользу, къ рабу мведенцу мвадому (имя рекъ)». При этомъ заговорщица (таковыми обыкновенно бываютъ женщины, а мужчины заговорами наль маленькими не занимаются) береть въ руки вѣникъ (заговоры чаще всего происходятъ въ жарко натопленной банѣ) и имъ, предварительно политымъ начертанной девять разъ ковшемъ водой, парить сглаженного приговаривая: «Зевеная вичка, зевеная травичка, повезная, освященная святою росою, такъ же и рабъ мведенечъ (имя рекъ) очищайся моими рѣчами». Стоить только послѣ этихъ словъ попарить ребенка, побрызгать его водой, раза два-три дунуть и... ребенокъ здоровъ. Всѣ заговоры кладутся какъ на маленькихъ, такъ на большихъ и на порченыхъ.

III.

Домоустройство. — Пища (брага, черинянь, кумышка). — Соціальное и семейное положеніе женщинъ. — Полеводство, коневодство, скотоводство, рыболовство и другие промыслы (охота, талисманъ, магнитъ). — Народное образование.

Еще недавно пермяки жили гораздо дружнѣе. Семьи по 30 и по 40 чл. были не въ рѣдкость лѣтъ 25 назадъ. Теперь этого уже, за самыми

рѣдкими исключеніями, нѣтъ. Говорять, въ то время пермяки жили богаче. Браки играютъ здѣсь большую роль. Изслѣдованіе причинъ раздѣловъ убѣждаетъ въ томъ, что они начинаются тотчасъ послѣ свадѣбъ. Вольная девушка, попавъ въ тяжелые тиски семейной жизни, всячески старается сбросить ихъ. Если ейъ мужъ дѣйствительно привязался къ ней, то при посредствѣ мужа, а если не такъ, то своею сварливостью она достигаетъ того, старшіе родственники говорятъ: «надо дѣлиться». Получивъ по рѣшенію ближайшаго схода усадьбу для новаго дома и закупивъ потребное количество лѣса, приступаютъ къ постройкѣ дома. Дѣло постройки, какъ и всякое серьезное, начинается молитвою. Молятся только семейщики у себя въ домѣ, а помолившись идуть на работу—рубку стѣнъ. Первый ударъ по дереву принадлежитъ тому, для кого строятся дома. Щепа, отлетѣвшая отъ первого удара, берется ударившимъ и, до времени, хранится дома. Дальнѣйшая постройка происходитъ какъ вездѣ: подкладываютъ фундаментъ и въ тоже время рубятъ срубы. Когда срублены срубы, ихъ начинаютъ класть на мѣсто, причемъ, когда положенъ вѣнецъ, равняющейся съ поверхностью пола, работы простоянавливаются и назначается «оквадъ». Приглашаются священники, и послѣ молебна и освященія зданія всѣмъ участникамъ работы и приглашеннымъ предлагается угощеніе. При наложеніи на фундаментъ первого вѣнца, въ красномъ углу кладется домохозяиномъ, до этого времени тщательно сохраняемая имъ, первая щепа и копѣйка или больше, въ зависимости отъ богачества. Когда срубы выведены подъ потолокъ, наступаетъ самое важное дѣло въ постройкѣ: подъемъ матицы *). Заготовленное для матицы и надлежащимъ образомъ обдѣланное бревно подымается на мѣсто такимъ образомъ: сначала его слегка приподымаютъ по стѣнѣ, а затѣмъ къ срединѣ матицы лаптевыми опоясками привязываютъ завязанный въ бѣлый холстъ рыбный пирогъ (символъ будущаго довольства домохозяина); если и у самихъ хозяевъ, и у сосѣдей нѣтъ рыбы, то довольствуются и мяснымъ пирогомъ. Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирогъ, вмѣстѣ поднимаютъ кверху и кладутъ съ деньгами и шерстью, чтобы было довольство и скотъ въ домѣ водился, въ заблаговременно приготовленное гнѣздо. Всѣ молятся Богу; кто-нибудь изъ искусствниковъ идетъ на заработокъ за пирогомъ, холстомъ и опоясками. Пирогъ достается такъ: кто-нибудь влѣзаетъ (безъ лѣсовъ и подставокъ по красному углу на самый верхъ его) и тамъ, помолившись Богу, начинаетъ совершать слѣдующее путешествіе. Онъ идетъ по одному бревну по-солонь до слѣдующаго угла, гдѣ такъ же молится; затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ въ тре-

*) Матица—это бревно, которое проходить по срединѣ комнаты и на которомъ укрѣпляются потолковыи доски. Она должна быть очень крѣпкой, чтобы вынести не только давленіе этихъ досокъ и земли, насыпаемой въ защиту отъ холода, но еще и служить связью между стѣнами.

тій уголь и оттуда къ красному же углу. На срединѣ дороги ему попадается матица — онъ идетъ по ней, снимаетъ широгъ и, положивъ его на голову и все время придерживая его на ней лѣвой рукой, отправляется вновь къ красному углу. Здѣсь, закончивъ полный кругъ и все еще держа широгъ на головѣ лѣвой рукой, онъ молится Богу, а послѣ этого снимаетъ широгъ и слѣзаетъ внизъ по углу. Работа эта — доставанье пирога очень серьезна. Наградой за труды для ловкача служать: холстъ и опояски — покромки. Самый же пирогъ идетъ въ общій кругъ, т. е. дѣлится между всѣми работниками. Послѣ подъема матицы никакихъ въ этотъ день работъ не бываетъ. Хозяинъ угощаетъ всѣхъ и самъ со всѣми угощается.

При разрѣшениі вопроса о поселеніи хозяевъ въ новомъ домѣ необходимо считаться съ двумя обстоятельствами: и себя не обидѣть, и близкому человѣку порадѣть. Если, при переселеніи, у васъ будетъ затоплена печь раньше, чѣмъ у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбѣдно. Зато плохо бываетъ запоздавшимъ. Этотъ вопросъ вызываетъ много хлопотъ съ обѣихъ сторонъ и обыкновенно, разрѣшается такъ. Хозяйки обоихъ домовъ въ одинъ часъ заводятъ квашенки, каждая въ своей, такъ какъ печь имъ приведется уже въ разныхъ печахъ, и, какъ только заведутъ, даютъ имъ подняться, «вздохнуть». Дѣло это происходитъ поздно вечеромъ. Ровно въ полночь новая домохозяйка беретъ свою квашенку, а впереди становится ея хозяинъ съ иконою, сзади кто-либо изъ домашнихъ съ чернымъ пѣтухомъ и таковою же курицей, а если есть еще кто изъ близкихъ, такъ тотъ береть съ собой кота (тоже желателенъ черный). Вся процессія двигается въ путь. Вошедши въ новый домъ хозяинъ ставитъ въ передній уголъ икону и опрометью бросается открывать печную трубу; хозяйка такъ же поскорѣе ставить квашенку и начинаетъ разводить огонь. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы затопить печь скорѣе. Кто раньше затопилъ, тотъ будетъ богаче и счастливѣе. Но тутъ-то и сказываются обоюдные хитрости домохозяевъ. Хватается одинъ изъ нихъ за вьюшки — не тутъ-то было: никакъ достать не можетъ. Да оно и не диво. Противникъ его еще утромъ велѣлъ своему малолѣтнему сынишку незамѣтно прокрасться въ избу и положить вьюшки ушками киязу. Вотъ теперь и добывай ихъ, а квашенка подымается хорошо, только бы истощить печку и хлѣбы садить можно. При уходѣ въ новый домъ семья оставляетъ въ старомъ свои старые лапти для сусѣдки. Затѣмъ, приглашаетъ его идти съ собою: «сосѣдушко, братанушко, иди съ нами жить на новоселье». Въ новомъ домѣ открываютъ подполье, чтобы онъ могъ свободно пройти къ себѣ. Остающаяся семья, боясь, чтобы спорина въ хлѣбѣ и во всемъ другомъ не перешла въ новый домъ, принимаетъ для этого свои предупредительныя мѣры: она надѣваетъ на себя шубы, предварительно вывернувъ ихъ наружу шерстью;

на руки одѣваютъ теплые шубницы (рукавицы), а на голову шапку. Разряженная такимъ образомъ семья сидитъ на лавкахъ и не встаетъ съ нихъ, пока выселяющіеся не выселяются совсѣмъ. Новоселы, чтобы къ нимъ какъ-нибудь въ домъ не попала кикимора — отчаянная блудня, топить печь оставшимися отъ постройки дома щепками. Когда щепки израсходуются, кикимора отойдетъ отъ дома и не будетъ нарушать спокойствія живущихъ.

Самыя избы и деревни ничѣмъ не отличаются отъ великорусскихъ; между бѣлыми избами очень часто попадаются и черныя, курныя. Деревеньки чаще всего располагаются не на горѣ, а подъ горой, почему грязь въ деревняхъ, особенно весною и осеню, непролазная. Самая деревня расположена или просто нагромождена домами безъ всякаго порядка; никакихъ иныхъ соображеній, кроме своихъ собственныхъ, не признается. Окна у большинства избъ (въ глухихъ пермяцкихъ мѣстечкахъ) дѣлаются во дворъ, а не на улицу. Такое устройство удобно, конечно, въ хозяйственномъ отношеніи: хозяева во всякое время видятъ все, что творится на скотномъ дворѣ; за то въ избахъ очень мало свѣта, да и воздухъ, попадающій лѣтомъ въ избу, сильно насыщенъ ароматами скотнаго двора. Въ настоящее время въ оконные рамы почти вездѣ уже вставляются стекла, а все-таки еще попадаются окна не съ стеклами, а съ заслонками изъ бычьяго пузыря или бычьей брюшины («сиреная»). Каждый хозяинъ обносить свою усадьбу плотнымъ заборомъ, а иногда и тынникомъ. Въ этомъ-то, скрытомъ отъ взоровъ, заплотѣ построены дома, такъ что проѣзжій положительно не видитъ въ деревнѣ ни одного дома, а все только заборы, дѣлаемые иногда настолько высокими, что изъ-за нихъ не видно даже крыши. Крыши домовъ тесовая и этимъ пермяцкая деревня рѣзко отличается отъ великорусскихъ нерѣдко соломенныхъ деревень. Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить малочисленность здѣсь деревенскихъ пожаровъ, несмотря на то, что сами пермяки крайне неаккуратны въ обращеніи съ огнемъ. Всѣ надворныя постройки также тесовая, равно какъ и масса гуменъ. Потолокъ, за самыми рѣдкими исключеніями, замѣняетъ собой крышу; входныя двери до крайности узки и язки. Неподалеку отъ избы помѣщается баня, похожая болѣе на курятникъ или собачью конуру. Почти всѣ бани курныя, съ землянымъ поломъ. Внутри каменка и лавка для мытья; полки бываютъ рѣдко, да и помѣстить ихъ въ банѣ положительно некуда. Въ низкихъ баняхъ мыться можно только сидя. Мыло и въ банѣ не употребляется и идетъ исключительно при стиркѣ бѣлья. Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ моются особаго рода глиной («землянымъ мыломъ»).

Во многихъ деревушкахъ выстроены часовенки, по виду и по размѣрамъ, напоминающія небольшія церковки. Каждая деревня строить часовню въ честь своего собственнаго деревенскаго святого, и онѣ высоко чтутся пермяками. Въ дни чествованія именъ этихъ святыхъ здѣсь зачастую происходить вакханалии.

Всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ заправляетъ набольшая, если только она еще въ силахъ, а если нѣтъ, то старшая по ней невѣстка. Она готовить кушанья и питье; она же наряжаетъ на работу другихъ женщинъ.

Пермяки любятъ пойти хорошо и разнообразно. Мясо-солонина и рыба, тоже соленая, какъ наиболѣе дешевая, въ рѣдкій день не появляются за столомъ мало-мальски сможнаго пермяка. Зато, если въ домѣ нѣтъ ничего, такъ пермякъ умѣеть изготавливать кушанья изъ ничего. Весною посыпаетъ всѣхъ бабъ и ребятъ въ паровое поле собирать пестики. Пестиками называется полевой хвошъ; онъ выходитъ изъ земли, очень рано и собирать его надо въ самомъ раннемъ возрастѣ, пока онъ не размятился, не распушился; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ свой вкусъ. Постики ъдять въ яичница, въ пирогахъ и отваренными въ круто-посоленной водѣ. Изъ травъ въ большемъ почетѣ такъ же пиканы. Это тѣ самыя дудки, что растутъ въ каждомъ огородѣ и на поляхъ и изъ которыхъ многіе изъ насы въ дни юности прыскали водой. Изъ пиканъ приготовляютъ только два кушанья: варять въ водѣ и ъдять ихъ горячими, круто подсаливая, или квасить и ъдять холодными съ квасиной. Запахъ у пикановъ неважный, и въ мѣстахъ не пермяцкихъ ихъ кладутъ въ кадки, изъ которыхъ берутъ воду для поливки огорода, такъ какъ настоящая на пиканахъ вода хорошо помогаетъ отъ блохъ, истребляющихъ капустную и другую росаду.

Такимъ образомъ, пермяки весной нуждаются, въ крайности, въ очень немногомъ. Зато въ дни довольства у нихъ достаточно всего изъ явствъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить чисто пермяцкія—кушанье «пельняни» и питье—брагу.

Я поставилъ слово «пельняни» въ ковычкахъ не зря. До сихъ поръ тысячи людей кушали и говорили про это кушанье, а название его перевирили самымъ разнообразнымъ образомъ. Такъ, Немировичъ-Данченко пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кама и Ураль», 1890 г. стр. 505: «Твой гость. Назадъ поѣду, приверну.... Ужъ и перменями я тебя тоды угощу». Совсѣмъ недавно въ газетѣ, издающейся въ Пермской губерніи, коренной корреспондентъ изъ г. Перми пишетъ такъ: «перменями они называются потому, что придуманы пермяками». Никогда такъ ихъ не называли. Правда, кушанье это чисто пермяцкое, но ничего съ пермяками, точнѣе, съ ихъ именемъ, общаго не имѣть. Слово «пермяне» не существуетъ, какъ это совершенно вѣро разъяснилъ г. Роговъ, а есть слово «пельнянь», что по-русски значить хлѣбное ухо (пель-ухо, нянь-хлѣбъ). Тѣ, кому приходилось кушать пельняни, знаютъ, что по формѣ своей они напоминаютъ ухо. Пельняни — традиціонное кушанье пермяковъ, и безъ него они дорогого гостя не встрѣтятъ и не проводятъ.

Кушанье это весьма распространено по Сибири, часто встречается и у нась русскихъ, только мы ъдимъ его совершенно не по-пермяцки. Пельняни дѣлаются решительно изо всего: мяса, рыбковъ, рыбы соленой и свѣжей, капусты, и проч. Способъ приготовленія ихъ чисто пермяцкій описанъ уже Роговымъ я, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что издание его теперь уже почти библиографическая рѣдкость, дѣлаю изъ него выдержку. «Пельняни дѣлаются изъ очень небольшихъ, круглыхъ, ячныхъ сочней и свиного, разведенаго водой, фарша. Сочень перегибается и зашипывается по краямъ. Получается ширококъ, который съ прямого края выгибается дугой на большемъ пальцѣ, отъ чего первоначальная форма его—правильный полукругъ—измѣняется въ другую, схожую съ ухомъ человѣка. Для употребленія пельняни варятся въ водѣ. Въ одномъ только я не согласенъ съ почтеннымъ авторомъ. Онь говоритъ: «ѣдять руками, безъ уксуса». Пельняни всегда и у всѣхъ єдять съ домашнимъ уксусомъ, приготавливаемымъ изъ-подъ пива. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ. Пельняни вкусное и сытное кушанье; они тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ мельче изрублена заправка—фаршъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, даже лѣнійский пермякъ, какъ только дѣло доходитъ до рубки фарша, береть въ руки мясное корыто и усердно рубить въ немъ до тѣхъ поръ, пока фаршъ не превратится въ совершенно однородную полужидкую, отъ разведенія его водой, массу.

Какъ нелегко пермяку обойтись безъ пельняней, такъ же точно трудно ему обойтись и безъ браги. Первые составляютъ, конечно, роскошь, хотя капустные и не дорогую, а вторая уже замѣняетъ собою насущный хлѣбъ, и очень часто многія семьи въ недородѣ если не умираютъ съ голоду, такъ только благодаря ей. Вотъ какъ Роговъ описываетъ ея изготавленіе и потребленіе. «Обыкновенное питье пермяковъ составляетъ брага. Неимѣніе браги—немалое несчастіе для пермяка. Лишившись возможности пить брагу, пермякъ впадаетъ въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находится почитатель водки, когда не имѣть средствъ удовлетворить своей страсти. Брага приготавляется изъ «брожнаго солода», который дѣляется изъ одной части ржаного солода и шести частей овса, по вѣсу. Брага бываетъ жидкая и густая. Жидкая брага употребляется всегда холодная. Она замѣняетъ у пермяковъ русскій ржаной квасъ, почему и называется иначе квасиною (казерь-ырошь); получается она, когда насолоду (брожній заторъ) разводятъ болѣшимъ, противъ густой браги, количествомъ воды, или когда, послѣ полученія густой браги изъ насоловы, еще разводятъ ее водой во второй разъ. Первымъ способомъ приготавливаютъ квасину бѣдняки, по неимѣнію въ достаткѣ «брожнаго» (солода), послѣднимъ—зажиточные. Густая брага составляетъ постоянное питье зажиточныхъ пермяковъ, дѣляется теплая и холодная; бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ богаче пермякъ. Она чрезвы-

чайно питательна: напившись густой браги, пермякъ єсть очень мало хлѣба. Отъ прибавленія хмѣля или колобка тѣста, замѣшаннаго на хлѣбномъ винѣ, брага получаетъ опьяняющее свойство, и въ этомъ видѣ особенно уважается пермяками. На густую брагу очень много тратится овса и ржи. Если брага должна быть холодная (кодзить), то, послѣ процѣживанья, сквасивъ ее нѣсколько, выносятъ лѣтомъ на ледникъ, зимой въ прохладное мѣсто, въ подполицу. Теплая брага (шоныть ырошъ) получается, если, послѣ приготовленія, ставить ее къ ночи на печь въ плотно завязанной корчагѣ; здѣсь она укисаетъ и становится очень крѣпкою. Ее дѣлаютъ только къ праздникамъ, къ помочамъ, къ свадьbamъ, къ поминкамъ, къ важнымъ, рабочимъ днамъ—всегда хмѣльную. Оставшаяся къ другому дню и выстуженная, теплая брага называется сюремкой. Страстные любители теплой браги, мужчины и женщины, приготовляютъ ее, кроме праздниковъ, на всякий воскресный день: по утру на шестокъ, во время топки печи, подогрѣваютъ брагу, и съ обѣда, который бываетъ въ 9 часовъ утра, расливаютъ ее до вечера. Конечный результатъ такого наслажденія—совершенное охмѣленіе. Иногда теплую брагу дѣлаютъ съ конопляной куглиной (шелухой сѣмянъ); такая брага очень хмѣльна, или, лучше, какъ выражаются пермяки, дурпа, потому, что отъ нея, говорятъ они, «люди дурятъ». Она производить сильное головокруженіе. И холодную и теплую брагу пьютъ въ большемъ количествѣ, особенно въ мѣстные праздники—болѣе полуведра на человѣка въ день». Къ этому, съ своей стороны, могу добавить, что, по виѣшнему своему виду, брага холодная напоминаетъ собою наши кислые щи; она весьма пѣнна и въ лѣтніе жаркие дни незамѣнна, такъ какъ не только утолять жажду, но въ тоже самое время и кормить человѣка. Цвѣтомъ своимъ она напоминаетъ ополоски, получаемыя при мытьѣ чайного стакана, когда чай былъ налитъ съ молокомъ. Густота браги, хотя и зависитъ отъ бражнаго, но въ среднемъ всетаки одинакова, и рѣдко бываетъ гущепивного сусла. Холодная или, какъ здѣсь называютъ, «ководня» брага замѣняетъ мноимъ не только питье, но и ъду. Я лично наблюдалъ недородъ, почти граничащий съ голодомъ и благополучно минувшій, лишь благодаря брагѣ. Нельзя сказать того же про особенно уважаемую теплую брагу; она замѣняеть съ успѣхомъ водку, такъ какъ пермяки нынѣ изощрились и прибавляютъ въ нее при заквашиваніи водку, спиртъ и даже ромъ. И потому, что теплая брага пьется рѣшительно во всякое время года, дня и ночи и рѣшительно всеми и старыми, и малыми и грудными дѣтьми, то состояніе, въ какомъ обыденно находится пермякъ, нельзя не признать полуупьянымъ. Такое состояніе не можетъ не отзываться на пермякахъ, и наружный видъ пермяка всегда какой-то тупой, апатичный. Бѣдные пермяки, ни имѣя возможности вливать въ брагу, для большей ея хмѣльности, водку и спиртъ, все же хотя отчасти

достигаютъ большей ея хмѣльности опусканіемъ въ нее на время броженія гор-
сточки изюма или ягодъ изъ подъ домашней настойки.

Безъ браги и пельнянѣй существованіе пермяка какъ будто немыслимо; почти въ той же мѣрѣ оно не мыслимо и безъ двухъ другихъ атрибутовъ пермяцкаго существованія: чернигия и кумышки. Чернигия, по-русски рыбный пирогъ, составляеть, во первыхъ, принадлежность каждого пермяцки порядочнаго человѣка; во вторыхъ, онъ составляеть неотъемлемую принадлежность и всякаго рода веселыхъ, серьезныхъ и печальныхъ торжествъ. Наконецъ, онъ особенно вкусно пермяками готовится—это тоже немаловажно. Рыбный пирогъ приготовляется рѣшительно изъ всѣхъ видовъ рыбы, но чтобы пирогъ былъ надлежаще вкусенъ, пермяки отнюдь не счишаютъ съ рыбы чешую и, кто, по не знанію и не разсмотрѣвъ этого обстоятельства, начнетъ жевать взятую рыбу, тотъ долго послѣ будетъ выплевывать рыбьи чешуйки. Пирогъ готовится чаще всего въ черномъ или ячномъ тѣстѣ и рѣжется не кусками, а съ него снимается верхняя корка и рыба достается изъ полученнаго отверстія: такого рода рѣзкой достигается сохраненіе разсола.

У пермяковъ, какъ и вообще у русскихъ, усердно соблюдаются правило: «рыба плавала». Для того, чтобы она могла наслаждаться своей стихіей и въ загробной жизни, пермяки приготавливаютъ и пьютъ свою кумышку-своедѣлку. Кумышка это та же водка, но только неочищенная. Тѣмъ, кому извѣстенъ вредъ сивушнаго масла, легко сознать, какой вредъ приносить эта кумышка, при ежедневномъ ея употребленіи. Крѣпостью своею кумышка мало отличается отъ обыкновенной водки, хотя нѣкоторые мастера изготавливаютъ ее % на 60, а то и болѣе. Съ способомъ ея изготошенія ознакомиться не трудно (тѣмъ болѣе, что и припасовъ для ея изготошенія требуется немного, и всѣ они подъ рукой). Вотъ какъ готовится кумышка—шандара, или своедѣлка, или курты-ва (горькая водка). На пудъ ржаной муки и два фунта хорошаго хмеля берется такое количество воды, чтобы, при размѣшиваніи, получилась полужидкая масса. Эту массу на сутки ставятъ париться, заквашиваться въ печь въ большихъ корчагахъ. Заквашиваніе должно происходить въ вольномъ жару. Полученную на другіе сутки барду сливаютъ въ чугунные котлы, и эти котлы ставятъ на огонь, закрывъ верхъ ихъ деревянной крышкой. У одного изъ краевъ этой крышки сдѣлано круглое отверстіе, съ вершокъ въ диаметрѣ; въ это отверстіе вставляется мѣдная или желѣзная трубка, согнутая на подобіе французской буквы s. Второй конецъ трубки вставляется въ глиняную корчагу, также закрытую деревянной крышкой съ отверстиемъ въ ней для трубки. Какъ корчага, такъ и трубка держатся или обложенными холодными и мокрыми тряпками, или (если есть проточная вода) въ холодной водѣ. Благодаря такому несложному устройству прибора, пермяки выгоняютъ съ пуда муки одну четверть крѣпчайшей до 80% водки, такъ

называемой «съ носка», и столько же % въ 40—45. Такъ какъ свой хлѣбъ пермяки для себя на деньги не перекладываютъ, такъ какъ дрова еще, относительно говоря, недороги, то главную цѣну своеѣлки составляетъ хмель. Но и хмель недорогъ. Поэтому, кумышка, какъ выгодный, крѣпкій и быстро дурманящій продуктъ, господствовала раньше, да и нынче очень въ ходу. Съ поднятиемъ цѣнъ на вино, она играетъ прямо-таки выдающуюся роль. Всѣ кары за производство кумышки безсильны, такъ какъ пермяки исчислили математически, что выгоднѣе попадаться и варить кумышку, чѣмъ, не попадаясь, покупать вино въ лавкахъ.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ явствъ и питій у пермяковъ наблюдается и вся та пища и питье, что имѣется и у насъ, русскихъ. Но то, что пермякъ єсть повседневно, русскіе єдятъ лишь въ большіе праздники. Въ этомъ да въ деревянныхъ крышахъ пермяки обогнали насъ на-много.

Кухонная посуда, употребляемая пермянками для изготоенія кушаній, почти ничѣмъ не отличается отъ нашей и упомянуть развѣ только о плетеныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей корзинкахъ, имѣющихъ видъ плоской шляпы. Въ нихъ скатанный хлѣбъ-тѣсто поднимается на печѣ и пріобрѣтаетъ круглую и правильную форму. Сѣчка для мяса имѣется, конечно, въ каждомъ домѣ, такъ какъ безъ нея нельзя приготовить пельнянѣй.

Если мы всмотримся въ полумракъ избушки, то замѣтимъ, что въ избѣ, кромѣ глинобитной печи, занявшей чуть не третью избы, имѣются палаты, въ красномъ углу иконы, а по стѣнамъ лавки. Въ этой избѣ, пространствомъ до двухъ саженъ въ квадратѣ, помѣщаются отъ двухъ до двадцати и болѣе человѣкъ. Здѣсь спать и єдять все вмѣстѣ, все наружу.

Женщины у пермяковъ мало приносятъ дохода, кромѣ чисто семейнаго. Правда, онѣ помогаютъ мужьямъ въ отработкѣ полевыхъ работъ, но такъ неумѣло, что только дивиться стоитъ. Вотъ, напримѣръ, вышли люди на работу—на сѣнокосъ. Вездѣ люди идутъ и косятъ, а какъ только коса притупилась—точать ее. Совсѣмъ не то здѣсь. Баба ложится на траву и ждетъ, когда къ ней подойдетъ ея благовѣрный или родственникъ, чтобы взять косу и наточить ее. Конечно все по дому исправляется женщиной, да только немногое ей и исправлять-то. Все, что потребно для насыщенія, уже приготовлено ея мужемъ, отцемъ или братомъ; остается состряпать—это для женщины и нетрудно и необременительно. Изъ осталной женской работы на пермянкахъ, глаубн. обр., лежитъ шитье и приготовленіе одежды. Для приготовленія обыкновенно засѣвается до пуда льна. Ленъ не полется, а что уродилось, за то и Бога благодарить. Пермянки всецѣло живутъ на то, что или заработать мужъ, или на то, что безъ помощи мужа и ея уродилъ въ поляхъ и лѣсахъ самъ Господь Богъ. Въ свободное зимнее время какъ дѣвушки, такъ

и женщины ткуть домашній холстъ для себя и домашнихъ и—ужь совсѣмъ отъ нечего дѣлать—для продажи. Въ каждой волости найдется вѣсколько искусницъ по части тканья опоясокъ, и—далѣше пермяки не пошли.

Пожалуй, не многимъ больше придется сказать и о пермякахъ, разъ коснешься ихняго только домашняго, а не полевого хозяйства. Все, что полагается сдѣлать пермяку въ домѣ, ограничивается мелкими домашними подѣлками и рубкой фарша для пельняней. Что же касается полевыхъ работъ, то пермякъ абсолютно земледѣлецъ: дѣлаетъ здѣсь, при своихъ скучныхъ средствахъ, не только необходимое, но и многое. Все, чѣмъ только существуетъ пермякъ, хлѣбъ. Его урожай—пермяцкое богатство, неурожай—пермяцкое несчастье, при крайней неприспособленности пермяковъ къ борьбѣ съ нимъ. Никакой специальной работы у нихъ нѣтъ. Никакого ремесла у пермяковъ не имѣется уже потому, что и изучать-то его не у кого. Все, что только употребляется у пермяковъ, все покупное, все привезенное—до крестьянского кованаго гвоздя включительно. Своего ничего нѣтъ. Подковы, телѣжные хода и т. п., все приобрѣтено и приобрѣтается отъ вятскихъ кустарей за недешевую плату. Никто и никогда пермяковъ никакимъ ремесламъ не училъ, никакихъ ремесль они до сего времени не знаютъ и безъ помощи, безъ указанія, никогда имъ не научатся.

Земледѣліе у пермяковъ находится почти въ первобытномъ состояніи, не смотря на то, что безъ землепашства пермякъ немыслимъ, и на это дѣло онъ не жалѣеть ни труда, ни денегъ. Немало вредить сельскому хозяйству и полное пренебреженіе пермяка къ чужимъ интересамъ. Всѣ поля у пермяковъ, во избѣжаніи потравы ихъ скотомъ, огорожены. Иначе имъ поступить нельзя, такъ какъ даже до такой несложной мысли, какъ: не лучше ли и не выгоднѣе лѣвмѣсто городьбы держать скотину при пастухахъ, они не додумались. Надо замѣтить, что изгороди городятся всѣми хозяевами извѣстнаго поля по разсчету, кому сколько сажень приведется. Вотъ здѣсь-то и открывается просторъ для злоупотребленій и для доказательства пренебреженія пермяковъ къ чужимъ интересамъ. При недобросовѣстномъ отношеніи со стороны сосѣдей, мало-мальски зажиточный человѣкъ, помимо общей изгороди, огораживаетъ свое поле еще и со всѣхъ другихъ сторонъ. Страшная черезполосица, существующая у пермяковъ, дѣлаетъ то, что въ одной перемѣнѣ бываетъ отъ трехъ - четырехъ до семи-восьми полосъ и каждую полосу, во избѣжаніе потравъ, слѣдуетъ огородить. Когда вы проѣзжаете по Инвинскому краю, то видите сплошной переплетъ изгородей. Одинъ изъ пермякоизъ вычислилъ, что всего въ одной только Юсвинской волости 2.500 тысячъ сажень изгороди. Считая стоимость изгороди только въ 80 коп. за полторы сажени, причемъ изгородь будетъ обыкновенной высоты въ 8 жердей, оказывается, что на городьбу полей въ этой волости затрачено немногого-немало, какъ 1.500,000 рублей. Принявъ во

вниманіе то обстоятельство, что изгородь держится не больше 10 лѣтъ, т. е. въ теченіе этого времени должна быть обновлена, приходится вывести такое заключеніе: Юсьвинская волость на городьбу полей ежегодно тратить 150.000 руб. и всетаки изъ-за потравъ снимаетъ плохой урожай. И едва ли стоимость изгороди не выше цѣнности земель этой волости. Тоже самое и въ другихъ волостяхъ, если только не въ высшей степени. Пермяки знаютъ, что неудобренная земля родить плохо, и они не жалѣютъ ни времени, ни труда на удобрение земли. Они усердно навозятъ землю, и рогатый скотъ держать почти для навоза. Они рубятъ въ болотахъ болотную кочку, сушатъ и пережигаютъ ее, удобряя поля такою перегорѣлой кочкой. Они удобряютъ землю всякимъ отбросомъ: щепью, костями и ночнымъ золотомъ. Словомъ, дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать, а земля все родить плохо. А виновата-то всетаки не земля, и это знаютъ и сами пермяки; только вину-то они относятъ не туда, куда слѣдуетъ. Они воображаютъ, что урожай стали плохи отъ того, что попы рѣдко служатъ молебны, что сами они, пермяки, согрѣшили. Между тѣмъ, у пермяковъ нѣтъ ни плуга, ни порядочной бороны, ни пониманія, что не масса зеренъ родить хлѣбъ, а качество зеренъ. Жалкій ральникъ замѣняетъ плугъ. Глубоко ли онъ входить въ землю. Онъ только чешетъ ее, да и то неровно. На каждую десятину земли высѣвается масса сѣмянъ, а именно: отъ 10 до 12 пудовъ ржи, отъ 25 до 30 пудовъ овса, отъ 15 до 18 пудовъ ячменя; пшеница же сѣется, какъ и рожь. Громадность цифръ поразительна. Не всѣ сѣмена взойдутъ, часть ихъ погибнетъ безъ всхода только потому, что сѣмена не были отсортированы и не могли бы, при нынѣхъ условіяхъ, быть посѣяны. Что подборъ зеренъ необходимъ, это сознаютъ и пермяки; много семействъ (женщины и старики) цѣлую зиму заняты выбираниемъ полновѣсныхъ зеренъ для предстоящаго весеннаго посѣва. Молотьба производится въ гумнахъ на земляномъ току.

Слѣдомъ за землепашествомъ у пермяковъ идетъ коневодство. Пермяковъ безлошадниковъ крайне мало; зато такихъ, у кого имѣется нѣсколько взрослыхъ лошадей и нѣсколько подростковъ—и не оберешься. Впрочемъ, лошади—мелочь, худоба и вполнѣшая изнуренность. Скотъ содержится или на плохомъ сѣнѣ или на яровой соломѣ. Причиной тому служить слишкомъ малое количество сѣнокосныхъ угодій, съ одной стороны, и погоня пермяковъ за количествомъ, а не за качествомъ скота, съ другой. Притомъ, здѣсь желаютъ какъ можно скорѣе использовать работоспособность животнаго. Многіе хозяева держать по-много лошадей только потому, что яровую солому дѣвать некуда, а на ней все же хоть и худенькая лошаденка вырастаетъ. Пока растетъ—навозъ даетъ и кой-что по домашнему обиходу дѣлать помогаетъ, а подросла, глянь—въ нужную пору ее и по-боку, ань подати-то уплачены, свадьба исправлена,

сына въ солдаты снарядили и много разныхъ другихъ удобствъ приносить лишняя ничего нестоющая лошадь. Про убойный скотъ нельзя и говорить, разъ называешь его рогатымъ. Скотъ пермяковъ весь комолый. Говорять, что онъ смиренѣе, и комолая скотина никого поранить не можетъ и поэтому безопаснѣе рогатой. Пермяки держать иногда до 12—15 коровъ и бычковъ съ подростками; разумѣется, это бываетъ въ годы урожайные и богатые яровой соломой. Молока мало употребляется въ пищу, оно квасится, съ него собирается сметана въ какую-либо посудину и, когда посудина полна, бьется масло. Сметана, за время ея собиранія, отъ времени горкнетъ, плѣсневѣеть, и масло получается невкусное и горькое. Кромѣ того, и при большемъ количествѣ скота масла получаютъ такъ мало, что лише говорить объ этомъ продуктѣ крестьянского хозяйства. Вѣдь крестьяне не держать пастуховъ при скотѣ, а оставляютъ его на волѣ и въ силу необходимости должны отпускать его въ лѣсъ. Придетъ корова домой, ее подоять. Нѣть—можетъ быть завтра будетъ. Не пришла днѣ три, надо поискать—не равно на грѣхъ—звѣрь задавилъ. Чаще всего ее находятъ, затрачивая на поиски немало дорогого лѣтняго времени; но и отъ найденой проку мало—молока уже нѣть. Зимою же бабы-пермянки доятъ неохотно, говоря, что отъ морозу руки трескаются. У пермяковъ находится въ изобиліи и другой скотъ: овцы, свиньи, отчасти козы. Голодная скотина употребляетъ всѣ мѣры, чтобы удовлетворить чувство голода; она перепрыгиваетъ, разворачиваетъ изгороди и идеть въ хлѣбныя поля. Видя попраніе своихъ правъ, пермякъ не церемонится со скотомъ. Онъ хватаетъ топоръ или вилы и преспокойно бросаетъ первое или тычетъ вторымъ. А присмотритесь къ пермяку поближе, и вы увидите, что на самомъ дѣлѣ онъ любить скотъ, только ходить за нимъ не умѣеть. Кромѣ скота, пермяки держать помногу птицы: куръ, индюшечкъ, гусей, утокъ. Множество рѣчекъ, пересѣкающихъ пермяцкій край, даетъ удобства для вскармливанія гусей и утокъ. За ними только и призору надо, что зимой и ранней весной выпустить на волю. Даже выросшую птицу пермякъ не умѣеть использовать: онъ не несетъ ее на торжокъ, а кушаетъ самъ. Рябчики употребляются каждымъ, кто только умѣеть владѣть ружьемъ: продажа же ихъ ничтожна.

Вообще пермякъ не знаетъ, какъ использовать себя, не знаетъ онъ во многихъ еще мѣстахъ и соразмѣрности между трудомъ и деньгами, такъ какъ трудиться за деньги ему не приходилось.

Кромѣ хлѣбопашства и домашнихъ промысловъ, пермяки занимаются еще промыслами случайными: охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ; кустарными: изготовлениемъ домашней деревянной посуды, мѣстныхъ полевыхъ орудій и т. п.

Вообще охотниковъ среди пермяковъ немного, да и до охотниковъ зырянъ имъ далеко. Пермякъ-охотникъ стрѣляетъ дичь (звѣря почти не бьеть,

за исключением куницы и бѣлки) только въ томъ случаѣ, когда она сидить на мѣстѣ, когда его ружье навѣрняка донесеть дробь, т. е. сажень за 10—15 и когда дичь сидить не одна, а въ кучкѣ; изъ остальныхъ въ розницу бѣть только рябка, да и то осеню, т. е. когда его легко сохранить до заморозковъ и предстоитъ возможность взять хорошую цѣну. Крупнаго зѣря пермякъ избѣгаетъ, онъ его боится.

Ни одинъ охотникъ не пойдетъ на охоту и до днѣсъ, разъ онъ не имѣть талисмана. Изъ талисмановъ охотничихъ укажу на одинъ. Документъ нижепрописанный и очень старъ, и очень испытанъ. Онъ взять мною отъ внука охотника, носившаго этотъ талисманъ. Дѣло въ томъ, что далеко не все пермяки грамотны, а каждому изъ нихъ лестно имѣть заговоръ, поэтому неграмотные заставляютъ таковые списывать и носить записки у себя запазухой. Вотъ экземпляръ одного изъ такихъ «ношенныхъ» заговоровъ.

«Господи Иисусе христе Боже нашъ Помилуй насть.

Господи Боже благослови стану я рабъ божій благословесь, и пойду перекрестесь изъ избы во двѣри изъ воротъ воротами изъ заворъ заворы въ чистое поле восточную сторону подъ красное солнце подъ младъ мѣсяцъ подъ вечернія звѣзды утреннія плакати я рабъ божій и подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю (имя рекъ) Медвеною росою умоюся утруся христовою пеленою облекуся свѣтлымъ бѣлымъ подпояшусь, пойду я рабъ божій (имя рекъ) въ восточную сторону на святой океанъ море и на океанную сторону и на бѣлый островъ и на томъ Свѣтломъ Океанѣ морѣ и на сіояской горѣ и на бѣломъ островѣ стоитъ Святая Апостольская Церковь, стоитъ сырой дубъ на томъ сырому дубу Сидять двенадцать Апостоловъ, я рабъ божій (имя рекъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли, пойдите и молите вы къ самому Истинному Христу просите и молите у самого у истиннаго Христаи сѧмъ истинный Христосъ. Отворилъ бы свою теплую пазуху и выпустилъ звѣрей шалучихъ заокованныхъ лисицъ черныхъ красныхъ и пурпурныхъ зайцевъ, черноухихъ кривоногихъ и косолапыхъ горностайлей, чернохвостыхъ рисей, коротколапыхъ росомагъ и широколапыхъ, пойду я рабъ божій (имя рекъ) во ту Святую Апостольскую Церковь и завижу напрестолѣ сидящихъ Святыхъ Апостоловъ Василья Великаго Михайла Архангела, Ксенофона Изосима и Савватія и Кли蒙та Священномуученика и возьмите вы огненное оружіе и поѣзжайте на всѣ четыре Стороны на востокъ, западъ, полдень и на сѣверъ гоните и палите стреляйте всякихъ звѣрей волковъ серыхъ, лисицъ черныхъ, красныхъ и пурпурныхъ зайцевъ, черноухихъ и кривоногихъ и косолапыхъ горносталей Чернохвостыхъ, рисей, Коротколапыхъ росомагъ Широколапыхъ, въночныхъ часахъ денныхъ и въ полуночныхъ затри дѣвятъ реками затри дѣвяти морями и затри девяти ловцами, хитрыхъ и мудрыхъ, изъ заозерь изъ подъ

— 110 —

озеровъ изъ мелкихъ речекъ, изъ великихъ луговъ изъ чистаго поля, изъ темнаго лесу изъ подъ всякаго пня, изъ подъ колоды, изъ подчища, изъ подъ вершины изъ подъ всякаго куста, изъ подъ всякаго дерева, изъ подлежащаго остожья, изъ подъ сена, и они бы постарымъ тропамъ и поновымъ безъ детатки и безъ оглядка и безъ отвороту на мою путину, на мою лыжницу къ моимъ ловушкамъ къ моимъ поставушкамъ, ко клещамъ, деревяннымъ жильнымъ и железнымъ поставушкамъ высокимъ и погребамъ глубокимъ избушкамъ теплымъ на мой путь и на моей лыжнице много ширы и эдеры Сахарны питья медвяная пищи, и еще небываетъ лилибы и елибы опасу не имели не зыку не крику ни треску ни моего Стуку Грапосту, и я рабъ божій (Имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Пресвятой Матери Божіей Покрову Богородицѣ во еси ты Матерь Божія Покровъ богородица какъ же ты стерегла и берегла Самого Іисуса Христа Царя небеснаго крыла и укрывала своими ризами нетленными и пеленами Господними отъ всякихъ людей отъ страшныхъ и отъ попутныхъ злыхъ отъ попа отъ попады, отъ Діакона, Діаконицы, отъ Дьячка отъ Дьячицы отъ пономаря отъ пономарицы, отъ сутулова, Горбатова, отъ шипива, Килеватова отъ двоеротыхъ безъ зубовъ, отъ простоволоса, отъ женскаго белаго полу, отъ красныхъ волосовъ, отъ черныхъ и отъ Черемныхъ волосовъ, отъ рыжихъ и отъ белыхъ, отъ вдовы самокрутки отъ колдуна отъ колдуны, отъ блядуна отъ блядуни отъ вѣщія вѣщицы, отъ Старца отъ Старицы отъ мельника отъ мельничихи и отъ дѣвки простоволоски и отъ своей радости, и на пече сидящаго изъ окна глядящаго и всквось заплоть смотрящаго и на путь сидящаго и вой вы вѣтра буйные холдные и совсѣхъ Четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу съ полдня и съвѣру прійдитъ возмитъ отъ злыхъ Человѣковъ всѣ злые дѣла поганые не давъ сок. . . .
(два совершенно истершіяся слова) нанавистями, возьмите и понесите залѣса темные и зареки быстрые и за болота сыпучie и на четыре грязи топучie и тутъ таковыхъ поразить и тутъ затопчить и назадъ не носите и въ младѣ мѣсяцѣ и на ущербѣ и на исходѣ будѣть мои слова божественные тверды и крепки и Лепки, Тверже камня и востраго ножа булатнова въ томъ словѣ ключь и замокъ во сходную пятницу отдаваемые и до представленія свѣта и которые мои словеса божественные забылись не помянуль сполна мастеръ недочилъ или самъ позабылъ которы, прійдитъ пріймитъ пособитъ и помогите мѧ рабу божію (имя рѣкъ) на мои пути и на мою лыжницу всякихъ звѣрей приведите и всѣ мои словеса божественные заедино слово и всѣ мои зубы за єдинъ зубъ и тѣмъ моимъ словамъ божественный ключь въ небо, а замокъ въ море подъ бѣлымъ алатыревымъ камнемъ, еще я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Василію Великому, Михайлу Архангелу, поставьте огненный столбъ отъ земли и до небеси въ кругъ моихъ

ловушекъ и вокругъ моихъ поставушекъ чтобы волхвамъ восхитителямъ и колдунамъ колдунницамъ блядунамъ и блядунницамъ неюхитити и не помудрити еще я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Якову Спутнику какъ же ты Яковъ Спутникъ стояши при пути и при дорогѣ указываешь путь и дорогу всякому человѣку и такъ же ты Спутникъ Яковъ, стой при пути и при дорогѣ указывай Путь и дорогу на мою лыжницу въ ночныхъ часахъ въ денныхъ и въ полуночныхъ часахъ о росъвѣтѣ свѣта, и до представлѣнія свѣта и во вѣки вѣковъ Аминь». Подобные талисманы находятся у очень многихъ охотниковъ.

Кромѣ заговоровъ, почти у каждого охотника имѣется «магнитъ». Магнитъ вообще играетъ въ пермяцкой жизни большую роль. Свойство магнита, по мнѣнію пермяка, распространяется на притягиваніе къ владѣльцу магнита рѣшительно всего. Взяль магнитъ на охоту, онъ и будетъ тянуть звѣря и птицу; подвѣсишь его къ продольнику или крюку и онъ будетъ притягивать налимовъ и другую рыбу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда девушки относятся къ какому-нибудь мѣстному Донъ-Жуану неособенно благосклонно, то и тутъ магнитъ оказывается незамѣнимымъ: онъ окончательно привораживаетъ девицъ. «Магниты» расходятся въ нашихъ мѣстахъ въ слишкомъ большемъ количествѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ способовъ ловли звѣрей и птицъ, среди пермяковъ существуетъ еще рядъ различныхъ ловушекъ, въ которыхъ залавливаютъ звѣря и птицу. Всѣ эти ловушки-поставушки самаго примитивнаго устройства и не разъ были описаны.

Шкурки звѣрей всегда поступаютъ на продажу. Торгъ ими происходитъ въ с. Егинскомъ 17 марта. Скупщики такъ монополизировали скупку шкурокъ, что продажа ихъ приносить только разочарованіе охотникамъ и большие барышы покупателямъ. Лучшая куница рѣдко продается дороже 3 – 3 руб. 50 коп., а такъ какъ пермяки въ цѣнности звѣрей никакого толку не имѣютъ, то самая цѣнная шкурки покупаются отъ охотниковъ совсѣмъ за безцѣнокъ. Такъ, чернобурая лисица, прекраснаго качества и весьма крупная, была куплена купцемъ-милліонеромъ, изъ жалости къ охотнику, всего за 40 коп. Такие случаи неединичны. Они-то глав. обр. и составляютъ причину упадка охотничьяго промысла.

Рыболовнымъ промысломъ занимаются не только сами пермяки, но и пермянки и ихъ дѣти. Рыба составляетъ одно изъ наиболѣе любимыхъ кушаний пермяковъ, а потому и страсть ихъ къ рыболовству естественна. Естественно также, что это любимое кушанье никогда почти не поступаетъ въ продажу, а идетъ въ чериняки (рыбные пироги). Рыба ловится или неводами (этотъ родъ ловли мало употребителенъ, въ виду дороговизны снаряда и засоренности рѣкъ, почему снасти рвутся слишкомъ скоро), или сакомъ (наметомъ), или просто бред-

никами изъ сѣти или двухъ трехъ кусковъ самаго рѣдкаго домашняго холста. Такой бредникъ называется «недотка». Недотка самый зловредный снарядъ. Изъ мелкой рыбы варится уха или готовятся рыбные пироги и рыбныя селянки (рыба жарится съ яицами или съ картофелемъ). Часть этой же рыбешки идегъ въ ёду и прямо сырою. Сильно нажимая пальцами на тѣло рыбешки, пермяки проводятъ пальцами отъ головы до хвоста ея и выдавливаютъ изъ рыбки ея внутренности, а затѣмъ кушаютъ ее. Крупную рыбу—лещей и налимовъ, язей и щукъ и т. п. ловятъ или удами, или на крюки, а осенью и весной въ запоры. Запоры состоять изъ слѣдующаго. Теченіе рѣки заграждается по ширинѣ рядомъ кольевъ, которые и переплетаются ивовыми прутьями, причемъ, приблизительно черезъ сажень, между кольями оставляютъ не заплетенное пространство, въ которое и вставляютъ на длинныхъ жердяхъ морды (плетенныя изъ ивы конусообразныя корзинки). Такія загражденія перепортили здѣсь всѣ рѣки. Рыбѣ волей-неволей приходится лѣзть въ эти корзинки и становиться добычей человѣка. Особенно много вреда приносятъ эти запоры весной, когда во время половодья рыба усердно оставляетъ на прутьяхъ запора свою икру. Какъ только вода пачинаетъ спадать, икра сохнетъ или попадаетъ въ клювъ штицы. Вообще я долженъ сказать, рыба истребляется пермяками невѣроятно и ея становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Кроме лѣтней ловли, кой-кто занимается и зимней, но та ведется и въ маломъ размѣрѣ, и только запорами. О зимней ловлѣ рыбы другими снастями, пермяки, къ величайшему счастью рыбь, понятія не имѣютъ.

Для болѣе успешнаго хода ловли рыбы употребляется магнитъ и всякаго рода заговоры. Рыбная ловля, разумѣется, находится въ полной зависимости отъ добрыхъ отношеній къ водяному, а потому для успѣха ловли необходимо постараться заблаговременно расположить его въ свою пользу, т. е. подарить его чѣмъ-нибудь. Въ противномъ же случаѣ, водяной не только не дастъ рыбы, но можетъ устроить непріятности и самому рыболову: вытолкнуть его изъ лодки, а то и утопить.

Изъ домашнихъ ремесль и издѣлій приносятъ пермякамъ пользу: кузнецное, до нѣкоторой степени плотничное и гончарное, а пермянкамъ выдѣлка домашняго холста и другой домашней одежды.

Вообще кузнецовъ у пермяковъ мало; работы ихъ ограничиваются только ковкою лошадей, свариванiemъ поломанныхъ частей и—только. Съ увѣренностью можно сказать одно: гвозди, подковы, косы, телѣжные хода, серпы и т. д. все это привозится изъ Вятской губерніи, несмотря на то, что материалъ въ сыромъ видѣ идетъ зачастую изъ Пермской же губерніи. Удивляться здѣсь не приходится. Откуда можетъ научиться пермякъ разнаго рода мастерствамъ, когда среди пермяковъ нетъ ни одного ремесленнаго училища. Сами по себѣ пермяки люди перенимчи-

ные, люди способные. Намъ известны такіе изъ нихъ, которые, кончивъ только мѣстную земскую школу, собственнымъ трудомъ дошли до того, что устроили въ своихъ хибаркахъ электрическое освѣщеніе. Устройство разнаго рода сельскохозяйственныхъ орудій по моделямъ тоже совсѣмъ не рѣдкость. Обыкновенная глиняная посуда стала изготавляться на весь Иваненскій край всего пять-шесть лѣтъ, да и то благодаря сообразительности крестьянъ Юсьвинской волости, а до этого времени каждую зиму прѣѣзжали изъ Вятки кустари-крестьяне и снабжали десятки тысячъ народа этимъ товаромъ, являющимся предметомъ первейшей необходимости. Издѣлія изъ дерева не идутъ дальше кадокъ, корыть, лодокъ и т. п. Что касается даже ложкарного промысла, и тотъ отсутствуетъ, такъ какъ токарныхъ станковъ у пермяковъ не имѣется. Недалеко отъ своихъ мужей ушли и пермянки. Обыкновенная женская работа: приготовленіе къ прядѣльна, пряденіе его и тканье холста тѣ же, что и у насъ на всей Руси, въ средѣ пермянокъ попадаются искусницы въ ткань. Самый узоръ рисунковъ и пестръ, и не оригиналенъ. Трудно сказать, что у пермяковъ есть свои узоры, свой вкусъ.

Кромѣ домашнихъ промысловъ и работъ, пермяки каждую зиму отправляются еще въ отхожіе промыслы: на рудники, заводы, рубку дровъ и въ лѣса и т. п. Выходъ на эти работы для пермяка неизбѣженъ, такъ какъ подати и другія повинности имъ уплачиваются исключительно этими зароботками. Самая трудная, по и самая надежная работы рудничная. Здѣсь пермяковъ подряжаютъ на выработку или вывозку извѣстнаго числа пудовъ подрядчики изъ своей же братии-крестьянъ. Тѣ, хотя и выжимаютъ все, что можно, но все же разсчитываютъ сполна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ нимъ на слѣдующій годъ никто не пойдетъ. Зато совсѣмъ въ ипомъ свѣтѣ представляются работы на разнаго рода заводы, которыя сдаются по подряду или по сдѣлкѣ самихъ завоудправлений. Здѣсь пермяку приходится жутко. Богатѣйшіе заводовладѣльцы ранней осенью посыпаютъ къ пермякамъ своихъ довѣренныхъ съ предложениемъ записаться на какую-либо работу и взять въ число ея задатокъ. Осень—самое хлѣбное, но и самое безснежное время для пермяка. Хлѣбъ еще необмолоченъ, да еще и не выяснилось, въ какой цѣнѣ будетъ, а старшина и староста уже требуютъ подати и недоимки. Дающій деньги обѣщаетъ всякия блага. Если рабочіе придутъ рано, до вскрытия рѣки, говорить наезжающимся на сплавные работы: «мы дадимъ хлѣба и работу на берегу». «Иди пилить лѣсъ на дрова—предлагаютъ другому; онъ уже давно въ бунтахъ изъ берегу Камы лежитъ». И идутъ, приходятъ, дѣйствительно рѣка еще не вскрылась. Работы и хлѣба нѣтъ. И ждутъ пермяки и день, и два, и недѣли, иной разъ выжидаютъ мѣсяцъ. Совсѣмъ они исхарчатся; все, что было на себѣ, проѣдятъ; иные, имѣющіе дома сотни пудовъ хлѣба, идутъ, прижатые голodomъ,

просить «Христа-ради» и, наконецъ, не вытерпѣвъ, сбѣгаютъ съ работы. Тотъ, кто подрядился на распиловку, пришелъ и видѣть, что лѣсъ совсѣмъ не въ бунтахъ, а лежитъ въ самой рѣкѣ въ плотахъ.—«Какъ такъ, давайте его на берегъ, намъ пилить надо».—«Да еще рабочихъ нѣтъ, подождите—скоро придутъ». Ждуть и эти рабочіе и, затѣмъ, такъ же бѣгутъ домой. Дома ихъ уже ждетъ начальство, требуетъ деньги въ подать, высылаетъ на работы, по требованію огорченаго убѣгомъ рабочихъ завода. Не ограничиваясь этимъ, тѣ же заводы предъявляютъ къ пермякамъ еще иски о возмѣщеніи убытковъ, послѣдовавшихъ отъ неотработки, а выданная на руки сбѣжавшимъ рабочимъ деньги удерживаются со всей артели, при окончательномъ разсчетѣ. Что касается систематического обсчета рабочихъ, то о немъ можно было бы написать цѣлую книгу. Тамъ, гдѣ разсчеты ведутся на чистоту, пермяку въ рудникахъ приходится крайне тяжело отъ положенія работъ. Промозглый, до вѣльзя сырой воздухъ, сквозной вѣтеръ, кромѣшная тьма, вода зачастую выше щиколокъ,—все это ведетъ къ массовымъ заболѣваніямъ сыпнымъ тифомъ. Совмѣстное житье въ душныхъ, вонючихъ казармахъ заставляетъ персмогающихся пермяковъ снабжать схваченой ими болѣзнью и своихъ прибывающихъ вновь сотоварищѣ. Тифозныя вспышки, ежегодно повторяющіяся среди пермяковъ, всегда совпадаютъ съ праздникомъ Рожд. Хр. и великимъ постомъ—временемъ возврата народа изъ рудниковъ: въ первый разъ—для взноса податей, а второй по случаю окончанія работъ. Тифъ это грозный бичъ пермяцкаго народа; здѣсь онъ никогда не переводится. Правда, онъ у насъ не такъ страшенъ, смертность, относительно говоря, незначительна, но ущербъ отъ тифа не ограничивается только смертью. Эта болѣзнь надолго лишаетъ и больного, и его семью, вслѣдствіе изоляціи, возможности добывать сторонніе заработки и сильно и надолго подрываетъ силы самого больного. На самыхъ работахъ пермякъ заслужилъ почетную репутацію хорошаго и выносливаго работника. Для пермяка нѣтъ ничего грязнаго, нѣтъ ничего не подходящаго. Разъ работа, по его мнѣнію, выгодна, онъ идетъ на нее безъ разговоровъ. Въ своей домашней, не рабочей жизни пермякъ, напротивъ, крайне лѣнивъ. «Успѣю» вотъ слово, которое можетъ быть девизомъ пермяка. Только нужда заставляетъ его бросить брагу и, одѣвшись въ шабуръ, выйти изъ избы. И взявши за дѣло, онъ не старается закончить его. Не хватило, напримѣръ, дровъ и приходится мужику бѣхать за ними въ лѣсъ. Онъ везеть домой цѣлую лѣсину, отрубаетъ отъ нея кусокъ, рубить дровъ на истоплю и уходить домой. Завтра, утромъ, онъ пойдетъ снова нарубить на новую истоплю: «на седне кватить».

При всемъ этомъ пермякъ очень любознательнъ и охотно готовъ поучиться уму-разуму. Вы не найдете ни одной школы или школки въ селахъ и деревняхъ съ пермяцкимъ населеніемъ, которая была бы не переполнена уч-

никами. Даже девочекъ учать охотно и если учать менѣе, чѣмъ мальчишество, такъ потому, что, по мнѣнию пермяковъ, въ женскихъ школахъ учать немногому и не преподаютъ того, что составляеть для девочекъ самое главное—рукодѣлій. Въ школахъ же рукодѣлію не учать за отсутствіемъ средствъ. Разсматривая типъ народной школы, я долженъ сказать, что въ церковныхъ школахъ по первоначалу дѣтей начинали отдавать охотнѣе, но, затѣмъ, довѣріе къ нимъ было подорвано и, вѣроятно, на-долго. Теперь въ эти школы отдаютъ малышей или исприятыхъ за неимѣніемъ вакансій въ земскія школы. Пермяки говорятьъ, что въ церковныхъ школахъ учать плохо. Почему плохо учать—этого они не знаютъ. По моему мнѣнию, первое и главное затрудненіе—это неимѣніе у этихъ школъ материальныхъ средствъ; второе—неимѣніе подходящихъ учителей и завѣдывающихъ этими школами. Конечно, у пермяковъ, какъ и вездѣ, таковыми значатся священники. Понятно, грамотѣ можетъ учить только грамотный человѣкъ, а между тѣмъ практика показываетъ намъ и совершенно обратные факты. Случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ грамотностью одного изъ завѣдывающихъ школою. Я привожу рукопись эту словно. Прочтите ее и скажите, правъ или нѣтъ пермякъ, когда онъ говоритъ: «пвоко попы учать». Вѣдь многаго ученія, при такомъ руководителѣ, и ждать нельзя. Вотъ документъ:

В. П. И.

14 Ноября.

Михайло Архангельской Церкви свя-
щенника [—на Ш—ва отношеніе леніе.

Въ Архангельское волостное Пров-

14 Ноября 1890 г. № 16-мъ.

Совѣтъ Братства Св. Стефана постановили Журналъ своеъ отъ 14 Марта 1890 г. За № 2-мъ заботясь опросвѣщеніи религіозно-правственной жизни народа, открыли Пермской Губерніи при каждомъ приходѣ школы Грамотности изыскивая причины нехожденіе мальчиковъ въ школу, нашли Приятелія таковы, 1-е осень дождливая, грязь, холода, 2-е, Зимой морозъ, вынужа, 3-е, весною розлитіе рѣкъ, а бѣдный людъ не можетъ здѣлать мальчику теплой одежды отъ чего мальчики болѣе хвороютъ тифозной горячкой, иссому всѣ органы вывѣли заключеніе и обратились за разрешеніемъ Его Преосвященству Пре-выѣли заключеніе и обратились за разрешеніемъ Его Преосвященству Пре-вѣтиеннѣйшему Епископу Владимиру Пермскому и Соликамскому Каковымъ Жур-налъ Утвердилъ: Со-Указаниемъ мѣстностей, напримеръ моемъ приходѣ назначило 1-е сторожа, 2 отопленіе, 3-е Учителю жалованье за труды, какое-либо Воз-награжденіе.

По сему Всепокорѣйше прошу Архангельское волостное Провленіе пред-ложить на сходѣ обществу что бы они неоставили безнімавія, выбрали сторожа, дали отопленіе, и денежное пособіе Учителю за труды. О Чемъ покорѣйше

прошу Ар. волостное провлениe почтить меня Формально Увѣдомить. Михаилъ-
Архангельской-церкви подпісался: Священникъ I—шъ III—въ.

Ни одна буква въ этомъ документѣ ни прибавлена, ни убавлена. Свя-
щенникъ III—въ завѣдывалъ и училь ребятъ или, какъ онъ говорилъ,
быть «преподавателемъ русской граматики» болѣе пяти лѣтъ. Чему выучились
у него ребята, какъ пишутъ они — я не знаю. Настоящій фактъ слишкомъ не-
единичный; въ противномъ случаѣ, я не обратилъ бы на него вниманія. Ко-
нечно, въ значительно болѣе мягкой формѣ, но почти тоже приходится изрѣдка
наблюдать и въ земскихъ пермяцкихъ школахъ. Учителя тамъ пишутъ грамотно,
но поведеніе ихъ ниже всякой критики. Повторяю, и теперь при подобныхъ
учителяхъ учащихся больше, чѣмъ мѣстъ въ школахъ, особенно тамъ, где учителя
стоять на высотѣ своего положенія; такихъ, само собой разумѣется, тоже доста-
точно, даже больше. Большинство выучившихся пермяковъ идутъ въ учителя, въ
писаря, лѣсные сторожа и т. п. должности, навсегда порывая свою связь съ
землей. Это крайне прискорбное явленіе нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ
тѣмъ, что школа даетъ пока пермякамъ только кое-какія знанія, но не учитъ
пермяка ни кустарнымъ промысламъ, ни сельскому хозяйству. Въ послѣдніе
правда, нынче сдѣлала слабая попытка: открыта сельскохозяйственная школа
и опытно-показательное поле, но дѣло какъ въ той, такъ и въ другомъ ве-
дется настолько неосновательно, что крестьяне решительно ничего не теряютъ,
игнорируя ихъ.

Для спасенія себя отъ полнаго обезлѣсенія, пермяки принимаютъ средства,
къ сожалѣнію, неудачныя по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Когда
льсь почти исчезъ, пермяки сознали его пользу. Правда, они и теперь истреб-
ляютъ его всѣми мѣрами, но уже не у себя, а у владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ
и, въ тоже время, стараются развести свой лѣсъ взамѣнъ вырубленаго. Такъ,
въ то время, когда еще не было и рѣчи о посадкѣ деревъ (зеленыхъ празд-
никахъ), пермяки уже садили деревья для пробы. А между тѣмъ, едва вышелъ
законъ о выдачѣ премій за лѣсоразведеніе, какъ пермяки уже получили отказъ
отъ премирующаго такие труды министерства, отказъ на просьбу не о выдать
медали или денегъ, а сѣмѧть. А вѣдь, пермяки хотѣли засѣять немногого-немало
почти даѣтъ тысячи десятины!